

СТАЛИН И ПОЛЬША. 1943–1944 годы.

Из рассекреченных документов российских архивов

Беседы Сталина с послом Польши Т. Ромером 26–27 февраля 1943 г. и с деятелем польского социалистического движения О. Ланге 17 мая 1944 г., советские записи которых публикуются ниже, отражают две эпохи в отношениях СССР и Польши. Первая – это время конфронтации и непримиримости позиций советского руководства и довоенной польской политической элиты, вторая – время согласований с Москвой намерений новых представителей Польши, признававших совпадение внешнеполитических интересов двух стран и поэтому принявших советские условия взаимодействия после войны.

Встречи состоялись в условиях принципиальных перемен на советско-германском фронте, что оказывало прямое воздействие на их конкретное содержание и политические позиции собеседников. В феврале 1943 г. закончилась Сталинградская битва, вошедшая в историю как начало коренного перелома в пользу СССР на главном театре боевых действий, где обозначилась перспектива военного поражения вермахта. Претерпевала изменения и расстановка сил внутри антигитлеровской коалиции. Советский Союз стал для Великобритании и США главным военным и влиятельным политическим партнером. Он обретал право претендовать на признание его интересов в послевоенном мире, на изменение геополитической расстановки сил и организацию системы международных отношений с учетом этих интересов. Весной 1944 г. Красная Армия завершала изгнание гитлеровцев с оккупированных советских земель. Впереди был ее выход в страны Европы, полный военно-политический разгром фашистского блока, освобождение народов от фашизма и послевоенное геополитическое переустройство Европы.

Совершавшиеся перемены неизбежно актуализировали проблему будущего многих европейских государств и в особенности так называемых малых стран, расположенных по периметру советских границ. В советской концепции обеспечения долгосрочных внешнеполитических интересов СССР предусматривалось не только сохранение всех территориальных приобретений кануна войны. Как приоритетная выдвигалась задача установления сферы советского влияния на континенте в качестве гарантии от возможного, как тогда считали, повторения германской угрозы¹.

В связи с этим Польше, расположенной на кратчайшем пути из Центральной Европы к рубежам СССР, советские политики отводили особое место в будущем региональном межгосударственном военно-политическом союзе во главе с Москвой. На этот союз советская сторона намеревалась "опереться" после войны, выстраивая систему собственной безопасности и возможного баланса интересов великих держав в Европе. Реализация такой концепции означала не только сохранение советско-польской границы по состоянию на 1941 г., но и переход Польши в сферу интересов и под влияние СССР.

Польская правящая элита в лице правительства, находившегося в Лондоне, рассценивала действия и намерения Москвы как покушение на территориальную целостность и государственный суверенитет страны. Будучи не в меньшей мере заинтересованной в исключении послевоенной внешней угрозы, как с запада, так и с востока, она имела

¹ См.: Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии, гл. 6. М., 2004; Донесение из Лондона советского посла при союзных правительствах А.Е. Богомолова от 11.02.1942 г. – Архив Президента РФ (далее – АП РФ), ф. 3, оп. 63, д. 363, л. 23, 25.

свой геополитический интерес в восточноевропейском регионе. Расчет был на то, чтобы, сохраняя традиционную внешнеполитическую ориентацию страны на западные державы и военно-политический альянс, прежде всего с Англией и США, организовать региональную систему союзов (конфедераций), заняв в ней ведущие позиции и превратив Польшу в регионального лидера. В этом ее политики видели способ обретения внешней безопасности и повышения международного веса страны на континенте². Весьма отчетливо проступала и особая заинтересованность и роль Польши в создании преграды на пути реализации внешнеполитических интересов СССР.

Важнейшими элементами польской концепции были восстановление польско-советской довоенной границы, а также планы территориального расширения Польши за счет восточных территорий Германии. В массовом сознании поляков граница 1921 г., установленная после победы Польши и поражения Советской России в войне 1919–1920 гг., ассоциировалась с возрождением польской государственности и с национальной независимостью страны от СССР. В расчетах польских политиков именно эта граница рассматривалась в качестве неперемennого условия внутривнутриполитической стабильности и безопасного для Польши геополитического баланса сил на востоке континента³. Советское руководство определяло политику и замыслы Польши как глубоко антисоветские.

Таким образом, представления советских и польских руководителей о глубинных национально-государственных интересах СССР и Польши не совпадали, а определенные ими долгосрочные цели во многом исключали друг друга. Это формировало напряженную атмосферу текущих двусторонних отношений, придавало устойчивость крупным межгосударственным разногласиям.

Главным среди них оставалась проблема советско-польской границы. Правительства обеих стран сохраняли непримиримые позиции по вопросу о государственной принадлежности восточных территорий довоенной Польши ("кресов" – по-польски или западных районов Украины и Белоруссии – по советской терминологии), которые в 1939 г. были включены в состав СССР. Политическое упорство сторон в этом вопросе отражает публикуемая беседа Сталина с Ромером.

Советская сторона, подписав с правительством генерала В. Сикорского 30 июля 1941 г. Соглашение о восстановлении дипломатических отношений, признала утратившими силу советско-германские договоры 1939 г., где речь шла о "территориальных переменах" в Польше⁴. Толкование советским и польским партнерами по антигитлеровской коалиции главной статьи соглашения существенно различалось. Польские политики "прочитывали" эту констатацию, по меньшей мере, как шаг на пути к восстановлению и международному признанию границы 1921 г.⁵ Они настойчиво добивались гарантий Запада в данном вопросе⁶.

В отличие от них Москва расценивала текст той же статьи в качестве не более чем денонсации своих политических договоренностей с германским рейхом. Она не оставляла полякам надежд на перемены в своей позиции даже под давлением их главной тогда союзницы – Англии. Нараставшая уверенность в победе Красной Армии позволяла советскому руководству лишь откладывать международное признание границы 1941 г. Еще в мае 1942 г. Сталин связывал это с военно-политическими итогами войны: "Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой"⁷. Шансы польской стороны на возвраще-

² Duraczynski E. Rząd Polski na uchodźstwie. 1939–1945. Warszawa, 1993, s. 90; *idem*. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999, s. 120–125; 136–137.

³ Duraczynski E. Polska 1939–1945..., s. 121–126, 141–144.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО), т. VII. М., 1973, с. 208.

⁵ Там же, с. 134–135; Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982, с. 64–66.

⁶ Duraczynski E. Polska 1939–1945..., s. 200, 206; ДМИСПО, т. VII, с. 318, 319.

⁷ Жгешевский О.А. Указ. соч., с. 157.

ние спорных территорий под контроль Польши уменьшались по мере военных успехов СССР.

Столь непримиримые позиции сторон свидетельствовали, что проблема советско-польской границы будет постоянно "питать" конфликт интересов и ограничивать возможности военно-политического сотрудничества СССР и Польши в борьбе с Германией.

Во время беседы Сталина и Ромера встал вопрос о польской армии. Правительство Польши, договариваясь летом 1941 г. с СССР о формировании здесь национальных сухопутных частей⁸, вряд ли предусматривало только и в первую очередь их участие на советско-германском фронте. Дальнейший ход событий показал, что имелась в виду перспектива использования этой армии в качестве военно-политического фактора, обеспечивающего восстановление суверенного государства в довоенных границах и возвращение правительства из Лондона в Польшу.

Москва в пору создания Польской армии на территории СССР, когда Красная Армия несла огромные потери, была весьма заинтересована в боевом участии поляков на советско-германском фронте и видела в прямом военном взаимодействии советских и польских частей предпосылку нормализации и стабилизации межгосударственных политических отношений в качестве добрососедских.

Таким образом, налицо были заинтересованность обеих сторон в использовании боевого потенциала польского солдата и одновременно различия в понимании задач и функций польской армии как политического инструмента при решении будущего Польши.

Противоречия возникли уже в конце 1941 г., когда в действиях польского правительства проявилась тенденция сначала откладывать участие поляков в боях на советско-германском фронте, а затем главой польского правительства Сикорским перед Сталиным был поставлен вопрос о выводе польской армии за пределы СССР, в Иран. В результате обмена мнениями этот вопрос тогда был отложен, но вскоре вновь поставлен перед советской стороной⁹. В течение 1942 г. польское правительство, поддерживаемое Великобританией, подготовило и уже к концу лета 1942 г. эвакуировало из СССР почти 75,5 тыс. польских военнослужащих и около 38 тыс. членов их семей¹⁰.

В Москве расценивали происшедшее не только как нежелание Польши воевать вместе с Красной Армией на самом тяжелом участке борьбы с Германией, но и как недружественный военно-политический шаг союзника по антигитлеровской коалиции.

Современные польские исследователи правомерно считают, что эвакуация армии привела к негативным для Польши политическим последствиям¹¹. Исчезло важнейшее, военно-политическое направление советско-польского сотрудничества. Была исключена возможность освобождения страны с Востока армией, подчиненной легитимному правительству Польши. Произошло политическое "ослабление польских активов" в антигитлеровской коалиции, где мнение Москвы по польскому вопросу становилось трудно опровергаемым.

Известные исследователям документы свидетельствуют, что польским руководством осознавались эти военно-политические "потери"¹². Но если в середине 1942 г. Польша пошла на них, то в начале 1943 г., как показывает беседа Сталина с Ромером, налицо было стремление восстановить военное направление сотрудничества с СССР: прозвуча-

⁸ ДМИСПО, т. VII, с. 217–218.

⁹ Парсаданова В.С. Указ. соч., с. 53; Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. (из рассекреченных архивов). – Новая и новейшая история, 1993, № 2, с. 65; *Duraczyński E.* Polska 1939–1945..., s. 197–199; Сталин, Сикорский, Андерс и другие. – Международная жизнь, 1990, № 12, с. 137–139.

¹⁰ ДМИСПО, т. VII, с. 425.

¹¹ *Materski W.* Na widciecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów. 1919–1943. Warszawa, 2005, s. 672; *Дурачински Е.* Польские варианты политики по отношению к СССР (1943–1945). – Польша – СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005, с. 73.

¹² ДМИСПО, т. VII, с. 298–300, 305–307, 312–316, 330–335; Сталин, Берия и судьба армии Андерса, с. 87.

ли настоятельная просьба посла возобновить призыв бывших польских граждан в польскую армию, и его сенсационное заявление о готовности вернуть эвакуированные воинские части на советско-германский фронт.

Обращает на себя внимание и предложение Ромера заполнить "пустоту" в боевом советско-польском взаимодействии, образовавшуюся после вывода Польской армии из СССР, диверсионной деятельностью польских подпольных военных организаций в качестве помощи сражающейся Красной Армии. Этот новый сюжет в советско-польских дискуссиях можно расценивать как попытку сделать подчиненный правительству в Лондоне внутренний фактор – военно-политические структуры польского "подпольного государства" – активным элементом межгосударственных отношений, усиливающим позиции польской стороны.

Сталин не отреагировал на предложения посла. После битвы на Волге отсутствие конкретных советских военных обязательств по формированию Польской армии и ее участию в боях придавало больше свободы политике Москвы на польском направлении.

В ходе беседы обсуждался и вопрос о гражданстве жителей бывших польских "кресов", связанный с проблемами границы и армии. Мнения сторон здесь принципиально не совпадали. Осенью 1939 г. всему многонациональному населению западных районов Украины и Белоруссии было придано гражданство СССР, с чем категорически не соглашалась Польша, правомерно отрицая правомочность раздела страны в сентябре 1939 г.

После восстановления отношений с Польшей в 1941 г. позиция СССР претерпевала некоторые изменения. 1 декабря 1941 г. было признано польское гражданство, а значит и право на службу в Польской армии, за лицами польской национальности¹³. Бывшие же "польские" украинцы, белорусы и евреи призывались в Красную Армию как граждане СССР. Это влекло за собой протесты польской стороны, происходила несогласованная с Москвой выдача им польских паспортов вопреки решениям советских властей¹⁴.

16 января 1943 г. советское правительство отменило свое решение от 1 декабря 1941 г. и действовавший запрет на призыв "лиц польской национальности" в Красную Армию¹⁵. Тем самым польское правительство утрачивало возможность через пополнение рядов подчиненной ему регулярной армии сохранить на территории СССР этот важный аргумент в отношениях с Москвой. Последовавшие протесты официальных польских властей были оставлены без удовлетворения. Охлаждение двусторонних советско-польских отношений постепенно нарастало, угрожая перерасти в состояние кризиса. Главные политические союзники Польши – Великобритания и США на рубеже 1942–1943 гг. не оказывали ей достаточной поддержки в конфликтных отношениях с СССР.

Беседа Сталина и Ромера, которая имела общую позитивную тональность, показала, что Москва в вопросе гражданства не закрывала возможности диалога. Реплика советского лидера по ходу обсуждения этого вопроса ("нужно покончить с крайностями"), его согласие на проведение дальнейших переговоров свидетельствуют в пользу тезиса польского историка В. Матерского: "советские власти тогда еще были готовы на какое-то компромиссное решение"¹⁶.

Вероятно, и Сикорский рассчитывал на склонность Москвы к сохранению в отношениях с Польшей атмосферы поиска компромиссных решений путем незначительных политических уступок. В личном послании И.В. Сталину 9 февраля 1943 г. он просил принять посла Польши для обсуждения разногласий в польско-советских отношениях¹⁷.

¹³ Государственный архив РФ (далее – ГАРФ), ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 380; АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 25, л. 16; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы. М., 2000, с. 230; ДМИСПО, т. VII, с. 208, 214, 223, 255–256; Сталин, Берия и судьба армии Андерса, с. 62–67.

¹⁴ ДМИСПО, т. VII, с. 255–256; Парсаданова В.С. Указ. соч., с. 66.

¹⁵ ДМИСПО, т. VII, с. 342–343. О снятии этого запрета, хотя и по другим соображениям, тогда же Сталина просили и польские коммунисты, находившиеся в Москве. – АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 25, л. 14.

¹⁶ *Materski W. Na widciecie*, s. 689.

¹⁷ ДМИСПО, т. VII, с. 348–349; *Duraczyński E. Polska 1939–1945...*, s. 227–228.

20 февраля 1943 г. послание генерала было вручено наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову, который 25 февраля встретился с Т. Ромером. В ночь с 26 на 27 февраля 1943 г. состоялась продолжительная, более 3 часов, беседа представителя Польши со Сталиным¹⁸. Но намеченные в ходе беседы некоторые возможности для поддержания конструктивных советско-польских отношений исчезли, когда СССР, расценив реакцию польского руководства и польской прессы на германскую информацию о расстрелах в Катыни, как беспрецедентную антисоветскую кампанию, 25 апреля 1943 г. прервал дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне¹⁹.

Это было крупнейшее политико-дипломатическое поражение Польши. Ее правительство, изолированное от Москвы, превращалось из активного субъекта антигитлеровской коалиции в объект согласованной политики великих держав. Как показала конференция в Тегеране, "будущее Польши обсуждалось теперь без Польши". В отсутствие ее представителя были достигнуты договоренности глав СССР, США и Великобритании по границам (этнографическая линия Керзона – на востоке и приращения на западе за счет Германии)²⁰. Намерения польского правительства осуществить свою концепцию национальной безопасности вопреки интересам восточного соседа становились теперь иллюзиями. Свидетельством тому является беседа в Кремле 17 мая 1944 г. с видным польским политиком-эмигрантом – О. Ланге²¹, профессором Чикагского университета, прожившим 12 лет на Западе. Он согласился содействовать СССР в деле формирования нового коалиционного польского правительства²².

Сравнение содержания беседы с Ланге с тем, о чем Сталин разговаривал с Ромером в начале 1943 г., показывает, что поздней весной 1944 г. все те чрезвычайно острые проблемы, по которым советское и польское правительства требовали друг от друга крупных политических уступок, уже не были актуальными. Москва больше не испытывала польского давления и определяла политический сценарий и принципы двусторонних отношений, предлагавшиеся Польше, исходя из своего понимания общности национально-государственных интересов двух стран в ходе и после войны.

Главная задача советской стороны, которая заблокировала расчеты польского правительства на его возвращение в Польшу в неизменном составе и без признания советских требований, состояла в том, чтобы вступление Красной Армии на польскую территорию не стало ее новой оккупацией. Для исключения такого, крайне нежелательного для СССР положения дел нужна была легитимная исполнительная польская власть, альтернативная правительству Польши и лидерам его подпольных структур в стране. Причем, это должен был быть такой партнер, который бы поддерживался частью польского народа, принимал советскую концепцию отношений двух стран, и мог быть признан мировым сообществом. Кто будет этим партнером, как он возникнет, какие социально-политические силы будут представлять, как обеспечить его признание союзниками? Каковы будут государственные границы Польши? Обсуждавшиеся Сталиным и Ланге варианты ответов на эти вопросы и составляют основной политический стержень публикуемой беседы.

¹⁸ Советская запись этой беседы хранится в архивном фонде Сталина и публикуется впервые. Запись беседы, производившаяся советником польского посольства Мнишеком, ранее публиковалась в Польше: *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na sarenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów*. Warszawa, 1965.

¹⁹ ДМИСПО, т. VII, с. 353–357.

²⁰ Ржешевский О.А. Указ. соч., с. 405, 411.

²¹ Ланге Оскар (1904–1965) – экономист либерального толка, член Польской социалистической партии с 1928 г.; в 1937–1945 гг. проживал в США, в 1944 г. выступал за создание коалиционного органа власти, альтернативного польскому правительству в Лондоне. В 1945–1948 гг. – посол Польши в США, в 1946–1948 гг. – польский представитель в Совете Безопасности ООН. С 1948 г. член ЦК Польской объединенной рабочей партии.

²² Подробнее см.: Сагомонян А.А. Советский Союз и испанский вопрос. 1944–1947 гг. – Новая и новейшая история, 2008, № 2, с. 21–22.

Она состоялась тогда, когда значительные шаги в этом направлении были уже сделаны и на оккупированных гитлеровцами польских землях и в Москве. В 1943 г. силами руководимой коммунистами социально и политически многоликой польской эмиграции в СССР и под советским контролем проводилась, правда, с "приливами и отливами", подготовка к утверждению в Польше власти, готовой к взаимодействию с СССР на советских условиях. К весне 1944 г. были осуществлены организационные мероприятия, выработаны и согласованы со Сталиным ее основополагающие учредительные и программные документы. В составе 1-го Белорусского фронта воевала новая 1-я Польская армия²³.

В том же направлении действовали и польские коммунисты, работавшие в условиях подполья в Польше. Они расценивали вариант создания альтернативного польского правительства за пределами страны как политически неприемлемый, и, сотрудничая, главным образом, с левыми социалистами и деятелями левого крестьянского движения, учредили в ночь на новый 1944 г. представительный орган власти – Крайову Раду Народову (КРН). Ее делегация 16 мая 1944 г., т.е. за сутки до беседы Сталина с Ланге, прибыла на переговоры в Москву.

Весной 1944 г. в Кремле считали весьма желательным оформление в Польше, как и в других странах региона, более широкой коалиционной власти, что не вызывало бы трений между СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции. В окружении президента Чехословакии Э. Бенеша, посетившего СССР в декабре 1943 г., сложилась уверенность, что в Москве "...могли бы заинтересоваться Миколайчиком и его группой, если бы те встали на путь переговоров с Россией"²⁴. Публикуемая беседа с Ланге подтверждает заинтересованность Сталина в присутствии в новой власти в Польше отдельных представителей из "лондонского" правительства. Среди них советский лидер видел место даже для столь одиозной, с точки зрения Москвы, фигуры, как генерал К. Соснковский.

Обращаясь с просьбой к Ланге передать польскому правительству предложение о прямых переговорах, Сталин делал попытку выяснить возможности диалога с польской стороной, любые итоги которого, положительные или отрицательные, были Москве политически необходимы и выгодны. Вряд ли можно считать случайным совпадением тот факт, что уже 20 мая 1944 г. в британской столице состоялась первая из трех неофициальных встреч советского посла при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедева с главой Госсовета Польши С. Грабским²⁵.

В ходе беседы Сталина и Ланге произошел обмен мнениями по иным сюжетам, непосредственно связанным с вопросом о власти. Обсуждались намечавшиеся социально-экономические реформы в стране. В этой связи профессор затронул проблему советизации Польши как возможного варианта ее послевоенного развития. Сталин отрицал такой вариант и, на наш взгляд, вовсе не лукавил. Как политик, в высшей мере прагматичный, он руководствовался не идеологическими установками, а в первую очередь геополитическими интересами советского государства. Во имя их достижения Сталин тогда был готов взаимодействовать с любым по политическому составу польским правительством, соглашавшимся на признание советских интересов и союза с СССР. Непременное присутствие в правительстве коммунистов – классовых и идейных союзников Москвы, расценивалось как гарантия этого признания.

Обсуждались с О. Ланге, но уже в качестве данности, восточные и западные послевоенные польские границы, место и роль Польши в послевоенном мире, возможные отношения между главными союзниками по антигитлеровской коалиции после войны, а так-

²³ Подробнее см.: *Носкова А.Ф.* На пути к созданию ПКНО (российские архивы о роли Москвы). – Славяноведение, 2008, № 3; *ее же.* Генерал Сигизмунд Берлинг. Штрихи к политическому портрету (по документам российских архивов). – Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005, с. 263–279.

²⁴ Переговоры Э. Бенеша в Москве. Публикация В.В. Марьиной. – Вопросы истории, 2001, № 1, с. 19.

²⁵ *Duraczyński E.* Polska 1939–1945..., s. 393.

же приближавшиеся к практическому решению германский вопрос, переселение немцев с территорий, намеченных союзниками к передаче Польше, и некоторые другие.

Запись беседы публикуется по оригиналу, который находится в фонде И.В. Сталина, поступившем на хранение в Российский государственный архив социально-политической истории из Архива Президента РФ.

А.Ф. Носкова,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА СССР И.В. СТАЛИНА С ПОСЛОМ ПОЛЬШИ Т. РОМЕРОМ²⁶

г. Москва
Кремль

26–27 февраля 1943 г.
сов. секретно

Тов. Сталин принимает посла в присутствии тов. Молотова.

Посол, явившийся на прием в сопровождении советника посольства Мнишека, поздравляет тов. Сталина по случаю побед, одержанных советскими войсками, и по случаю 25-й годовщины Красной Армии. Одновременно посол благодарит тов. Сталина за прием.

Поблагодарив посла за поздравления, тов. Сталин добавляет: "Что же касается приема, то это – обязанность".

Посол заявляет, что он уже имел возможность изложить по поручению своего правительства Народному Комиссару Иностранных Дел содержание недавнего обмена мнений между польским правительством и правительствами Великобритании и США²⁷. Поэтому посол полагает, что сейчас нет необходимости повторять это изложение, тем более что тов. Молотов не поставил каких-либо вопросов после сделанной ему послом информации²⁸. Посол пришел, чтобы переговорить по другому вопросу, а именно – по вопросу о некоторых предполагаемых операциях военного характера на польской территории, оккупированной Германией. В связи с этим посол хотел бы обрисовать положение в Польше по данным, которыми располагает польское правительство.

Секретные организации польского правительства занимаются в Польше активным антигерманским саботажем, нанося существенный ущерб военным заводам и вообще экономической деятельности немцев в Польше. Эта деятельность развертывается, глав-

²⁶ *Ромер Тадеуш* (1894–1978) – польский кадровый дипломат, в СССР с 12 октября 1942 г. до 25 апреля 1943 г.; до осени 1944 г. – министр иностранных дел правительства Польши.

²⁷ *Сикорский Владислав* (1881–1943) – генерал Войска Польского, в 1922–1923 гг. премьер-министр Польши. После совершенного в 1926 г. Ю. Пилсудским государственного переворота – в отставке; в 1939–1943 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства; летом 1943 г. погиб в авиакатастрофе. Имеются в виду поездка В. Сикорского в Вашингтон с 1 декабря 1942 г. по 10 января 1943 г., встречи с президентом США Ф.Д. Рузвельтом и с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в Лондоне 22 января 1943 г. В ходе состоявшихся бесед польский премьер не получил от союзников гарантий восстановления польско-советской границы 1921 г. Ему было рекомендовано согласовывать территориальные вопросы не только с Великобританией, но и с Советским Союзом.

²⁸ Беседа Ромера с В.М. Молотовым состоялась по инициативе польской стороны. 25 февраля 1943 г. правительство Польши сделало заявление, где выражалась обеспокоенность ухудшением польско-советских отношений, отвергались раздававшиеся в советской печати обвинения Польши в территориальных претензиях вплоть до Днепра и Черного моря. Одновременно говорилось, что правительство Польши "неизменно придерживалось с момента заключения польско-советского договора от 30 июля 1941 г. той позиции, что в вопросе о границах между Польшей и Советской Россией сохраняется статус-кво, существовавшее до 1 сентября 1939 г., и считает, что подрыв этой позиции... вредит единству Объединенных Наций": ДМИСПО, т. VII, с. 350.

ным образом, в Западной Польше, куда были переброшены из Германии военные заводы. Кроме того, секретные организации польского правительства ведут работу по противодействию набору поляков в германскую армию. К этому добавляются активные мероприятия против германских коммуникаций, против реквизиций продовольствия и других материалов, которыми немцы хотят себя обеспечить в Польше. В некоторых районах Польши имеют место локальные военные действия. Так, во время пребывания посла в Лондоне, туда пришли достоверные сведения о том, что недавно в районе Люблина между поляками и немцами произошел настоящий бой, в котором немцы понесли значительные потери²⁹. До сего времени польское правительство давало населению Польши указания не поднимать всеобщего восстания против захватчиков, но оно учитывает то обстоятельство, что подобное выступление могло бы иметь место только в том случае, если бы была надежда на скорую поддержку извне, со стороны польских или советских войск. В противном случае, восстание было бы разгромлено немцами, и они им воспользовались бы для жестоких репрессий, для истребления польского населения и его активных антигерманских кадров. Поэтому секретные польские организации имеют указание своего правительства идти только на локальные военные действия против немцев³⁰.

Польские военные в Лондоне разработали проекты военных мероприятий на оккупированной немцами польской территории, мероприятий, которые могли бы иметь серьезное значение для действий Красной Армии. В этой связи был изучен вопрос об одновременном нарушении действия железнодорожных путей, идущих через Польшу на советско-германский фронт³¹. Такая операция ориентировочно намечается на начало

²⁹ Первые подпольные военные организации, подчиненные польскому правительству в Лондоне, стали возникать по инициативе кадровых офицеров Войска Польского на территории довоенной Польши уже осенью 1939 г. На землях Западной Украины, Западной Белоруссии и затем Литвы попытки поляков создать в 1939–1941 гг. антисоветское подполье были подавлены репрессивными мерами НКВД СССР, в том числе и массовыми депортациями населения вглубь страны. После нападения Германии на СССР польское подполье постепенно оформилось как трехзвенная структура и состояло из военной организации, с начала 1942 г. называвшейся Армия Крайова (АК), института представителей правительства (делегата, делегатур) и партийно-политической составляющей – Согласительного комитета представителей основных довоенных политических партий. Главные силы подполья были сосредоточены в центральных, юго-восточных, и затем в восточных воеводствах довоенной Польши. В 1944 г. вся эта структура стала именоваться "подпольным государством". Участники и сторонники подполья, как и большинство поляков, занимали антигитлеровские и антисоветские позиции, были готовы к борьбе против "двух врагов" и "двух оккупантов" (Германии и СССР). В соответствии с установками правительства основными способами борьбы с гитлеровцами оставались саботаж и диверсии, разведка в пользу западных держав, поддержка национального духа в обществе, сохранение культуры и различных форм национальной жизни поляков. В течение длительного периода преобладал курс на накопление сил для вооруженной борьбы, ожидание "с ружьем у ноги" благоприятного момента, а именно приближения освобождения с Запада. По данным польского историка Е. Дурачинского, тогда в рядах АК числилось около 50 тыс. офицеров. (*Duraczynski E. Polska 1939–1945, s. 258*). Упомянув "локальные военные действия", Ромер имел в виду противостояние в декабре 1942 г. польских партизан гитлеровцам, которые проводили выселения крестьян из четырех уездов Люблинского воеводства, предназначенных для немецкой колонизации.

³⁰ Планы восстания на польских землях разрабатывались в военно-политических кругах Польши еще до нападения Германии на СССР. Их авторы исходили из успешного развития ситуации на западном фронте, где в составе войск союзников воевали польские воинские части. После июня 1941 г. восстание на всей территории довоенной Польши предполагалось начать тогда, когда германские войска будут резко ослаблены в боях на советско-германском фронте, Красная Армия, которая в 1941 и 1942 гг. несла тяжелейшие потери, будет разбита, и СССР, оказавшись на краю гибели, утратит возможность когда-либо войти в Европу. Эти планы не разделялись английским правительством. Как следует из публикуемого документа, ожесточенное сопротивление советских войск вермахту и разгром гитлеровцев под Сталинградом повлекли за собой корректировку намерений польских политиков.

³¹ Посол имел в виду разработку осенью 1942 г. командованием АК большой диверсионной операции на железнодорожном транспорте. В ее рамках в октябре 1942 г. был произведен подрыв шести путей и в течение нескольких часов остановлено движение на подступах к Варшаве (операция "Венец"). Гитлеровцы ответили на это кровавыми репрессиями.

марта. В результате ее были бы выведены на значительный срок из строя почти все железные дороги, идущие через Польшу. Поляки полагают, что им удалось бы вывести из строя около 85% действующих в направлении советско-германского фронта железных дорог. Это план очень рискованный, так как для его реализации необходимо иметь специальные команды подрывников. Кроме того, эти команды должны иметь второй и третий состав для того, чтобы действовать наверняка и заменить одни команды другими в случае гибели первых. Польское правительство весьма озабочено последствиями этой акции, на которую немцы ответили бы резкими массовыми репрессиями против польского населения, что могло бы привести в Польше к широкому восстанию, нежелательному в настоящее время.

Тов. Сталин говорит, что и по его мнению – одновременное нападение на германские коммуникации вызвало бы сильные репрессии со стороны немцев.

Посол говорит, что Сикорский поручил ему осведомиться, одобряет ли тов. Сталин эту операцию, будет ли она иметь какое-либо значение для действий Красной Армии и как он смотрит на то, чтобы эта операция была дополнена одновременными действиями советских партизан против германских коммуникаций на оккупированной немцами территории СССР.

Тов. Сталин отвечает, что хорошо было бы установить контакт между русско-украинскими и польскими партизанами. До сего времени между ними идет драчка.

Посол спрашивает, может ли он понять этот ответ так, что советское правительство облегчит установление контакта между военными властями Польши и СССР для содействия осуществлению задуманного поляками плана.

Тов. Сталин отвечает, что польским властям нужно было бы дать указание своим партизанам не пикироваться с украинскими партизанами³².

Посол выражает надежду, что такой же приказ будет дан и советским партизанам. Он обращает при этом внимание на то, что с польской стороны действуют не партизанские отряды в обычном смысле этого слова, т.е. не отряды, созданные самим населением, а отряды, образованные под командованием офицеров запаса или тех армейских офицеров, которые после занятия немцами Польши попрятались там. Все инструкции, которые даются польским правительством этим офицерским кадрам, строго выполняются. Послу, во время его пребывания в Лондоне, пришлось слышать со стороны этих кадров жалобы на то, что советское правительство без какого-либо предупреждения сбрасывает в районы действия польских партизан парашютистов, действия которых вызывают излишнее кровопролитие среди поляков³³.

Тов. Сталин отвечает, что у нас также во главе многих партизанских отрядов стоят командиры Красной Армии. Если в партизанских отрядах не хватает командиров, мы перебрасываем их туда на самолетах. У нас в тылу немцев есть целые районы, власть в которых партизаны крепко держат в своих руках. В этих районах имеются аэродромы, на которые советское командование при помощи транспортных самолетов перебрасывает оружие, боеприпасы, командные кадры и вывозит оттуда раненых. Если в Польше

³² В данном случае Сталин вел речь о действовавших на западноукраинских территориях советских, интернациональных по составу (украинцы, русские, поляки, евреи) партизанских отрядах, с одной стороны, и подчиненных польскому правительству, в это время довольно немногочисленных здесь подпольных вооруженных группах – с другой. Информация о враждебном восприятии этими отрядами друг друга и отдельных столкновениях между ними поступала в Кремль по разным каналам. Под ее воздействием формировалось более чем сдержанное отношение советского руководства к отрядам АК. Как пример, можно привести известное письмо Сталину начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко от 20 января 1943 г., выдержанное в неприязненном тоне по отношению к польской стороне.

³³ Сбросы на парашютах советских партизан, подпольщиков и диверсантов в тыл вермахта производились с лета 1941 г. Они имели целью организацию борьбы населения против гитлеровцев на захваченной территории СССР и соседних стран. К концу 1943 г. численность советских партизанских отрядов и бригад превысила 250 тыс. человек (Мировые войны XX века, кн. 3. М., 2002, с. 532). Оккупанты отвечали на их деятельность беспощадными репрессиями.

есть такие же районы с тайными аэродромами, то советское правительство могло бы оказать помощь польскому партизанскому движению.

Ромер отвечает, что польское правительство поддерживает контакт с польским населением при помощи парашютистов, которых сбрасывают в Польшу и которые затем возвращаются в Англию сухопутным путем. Территория Польши находится под тщательным наблюдением германских войск. Поэтому там невозможно организовать тайные аэродромы и осуществлять связь при помощи самолетов.

Тов. Сталин говорит, что в каком-нибудь лесу можно расчистить поляну и приспособить ее под временный аэродром. Это сделать нетрудно. Партизаны всегда смогут удерживать лес. Наша практика показывает, что немцы не могут ничего поделывать в подобных случаях. Сбрасывание же парашютистов является крайней мерой, которая не всегда надежна, так как парашютисты далеко не всегда могут возвратиться обратно. Если нет других средств связи, то, конечно, приходится идти на сбрасывание парашютистов.

Посол заявляет, что вопрос о связи с польскими партизанами рассматривался в Лондоне английскими и польскими специалистами. Между Англией и Польшей связь осуществляют большие самолеты-бомбардировщики типа "Либерейтор", которые пересекают Германию на большой высоте и для спуска и подъема которых требуются большие, хорошо оборудованные площадки. Кроме того, эти самолеты должны были бы запастись в Польше горючим, а это невозможно. Поэтому польское командование не видит другой возможности связи с Польшей, кроме как через парашютистов. Парашютистов сбрасывают в районах, где их ждут заранее, поэтому полякам удастся осуществлять эти операции почти без жертв.

Тов. Сталин отмечает, что у нас транспортные самолеты для связи с партизанами действуют на более короткие расстояния, приблизительно 1000 километров туда и 1000 километров обратно. Эта связь осуществляется самолетами "Дуглас".

Посол спрашивает у тов. Сталина его мнение о полезности одновременного нарушения действия германских коммуникаций через Польшу. Будет ли это полезно для Красной Армии и оправдают ли выгоды этой операции тот риск, с которым она сопряжена? Что ответить на эти вопросы Сикорскому?

Тов. Сталин отвечает, что всякое нарушение тыла является большим ущербом для действующей армии. Если посол спрашивает совета по этому вопросу, то тов. Сталин не советовал бы проводить это мероприятие теперь. Оно наверняка привело бы к большим потерям польских кадров. В случае одновременного нарушения действия железных дорог, идущих через Польшу, немцы увидели бы, что это мероприятие хорошо организовано поляками, усмотрели бы в нем заговор тайных польских организаций. После этого они стали бы хватать всех. Может быть, лучше было бы провести эту операцию по секторам, сначала в одном секторе, потом в другом и т.д., тогда было бы легче избежать преследования со стороны немцев и удалось бы лучше сохранить кадры исполнителей этой операции. С эгоистической точки зрения, с точки зрения Красной Армии, всякий шум, хаос в германском тылу очень хорош, но для Польши это мероприятие было бы опасным. Эта операция была бы хороша не теперь, а тогда, когда ее могло бы поддержать всеобщее восстание польского народа, тогда она была бы хороша.

Ромер спрашивает, не предвидит ли тов. Сталин в близком будущем такого развития военных действий Красной Армии, когда задуманная поляками операция могла бы иметь большое значение и оправдала бы риск, с которым сопряжена.

Тов. Сталин отвечает, что он не может этого сказать. В войне не все зависит от нас, многое зависит и от противника. Трудно указать сроки. Неизвестно, когда лучше нанести этот удар. Если ход войны позволит наверняка предсказать срок нанесения одновременного удара по германским коммуникациям в Польше, то он, тов. Сталин, может об этом сообщить послу, если посол того пожелает.

Поблагодарив тов. Сталина за ответ, посол заявляет, что теперь он хотел бы затронуть вопрос о наборе поляков в германскую армию. Поляков силой берут в германскую армию, в особенности в западных провинциях Польши, включенных в Герма-

нию³⁴. Мобилизацией в германскую армию охвачено приблизительно 240–250 тысяч молодых поляков призывного возраста. Польское правительство дало польскому населению секретные инструкции всячески противиться вступлению в германскую армию. В соответствии с этим поляки прячутся или бегут из Польши. Некоторые поляки бежали через Испанию в Англию и затем вступали в польскую армию³⁵, другие сказывались больными или находили еще какие-нибудь способы избежать службы в германской армии. Однако, несмотря на это, большое количество поляков было мобилизовано, и они используются, главным образом, для тыловой службы. У польского правительства нет точных данных о том, какое количество поляков находится на советско-германском фронте. Однако, польское правительство точно знает, что в германской армии нет частей, сформированных целиком из поляков. Поляки в армии перемешаны с людьми СС, с членами всевозможных гитлеровских организаций и с другими немцами, которые строго контролируют поведение поляков. Можно с уверенностью сказать, что в этих частях нет ни одного офицера или унтер-офицера поляка, все они немцы.

Тов. Сталин говорит, что на советско-германском фронте есть поляки. Так, под Сталинградом, в войсках фельдмаршала Паулюса оказались поляки, которые были нами взяты в плен³⁶. Были поляки и под Ленинградом. Вероятно, не все они из Западной Польши, так как среди пленных попадались поляки из Кракова, Варшавы и других районов. В их документах имелись пометки немцев о том, что они добровольцы, но это неверно, конечно. Поляки набираются в армию под нажимом германских властей. По нашим данным, агенты польского правительства в Польше не мешали полякам вступать в германскую армию и даже, будто бы, давали указания полякам идти в армию для того, чтобы потом сдаваться русским. Тов. Сталин говорит, что он впервые слышит о том, что польское правительство давало полякам указания не идти в германскую армию.

Посол заявляет, что он может категорически заверить тов. Сталина, что в германской армии нет поляков-добровольцев. Сообщения о таких добровольцах – дело рук германской пропаганды. Будучи за границей, посол видел германский пропагандистский журнал "Сигнал", в котором напечатаны фотографии солдат – украинцев, белорусов, русских, азербайджанцев и других. Немцы пишат под снимками этих людей, что это добровольцы, вступившие в германскую армию. Но это, конечно, выдумка германской пропаганды.

Тов. Сталин отвечает, что такие "добровольцы", действительно, находились среди русских, украинцев и других народов СССР, но затем они переходили на сторону Красной Армии³⁷. Что же касается поляков-добровольцев, то в германской армии есть сознательные добровольцы-поляки, интеллигенты, работающие переводчиками в штабах полков и батальонов.

³⁴ В октябре 1939 г. по декрету Гитлера в состав "третьего рейха" были включены западные и северные территории Польши (Поморское, Познаньское, Верхнесилезское воеводства, значительная часть Лодзинского, часть Краковского, Келецкого, Варшавского воеводств и некоторые другие земли). Здесь проживало около 9 млн. поляков, 600 тыс. немцев, 600 тыс. евреев: *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*, t. I. Warszawa, 1970, s. 66, 72.

³⁵ Имеются в виду Польские вооруженные силы, сформированные на Западе. В этот период они насчитывали более 116 тыс. солдат и офицеров. Польские военно-воздушный и военно-морской флоты базировались в Англии, сухопутные войска находились на Ближнем Востоке. – *Friskze A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989*. Warszawa, 2003, s. 59.

³⁶ Данными на январь 1943 г. о количестве попавших в советский плен поляков, служивших в вермахте, не располагаем. Согласно сводкам НКВД СССР, в начале мая 1945 г. среди солдат и офицеров гитлеровской армии, находившихся в советских лагерях для военнопленных, поляками по национальности числились 26636 человек, в конце июня 1945 г. – 35007, из них офицеров 49 человек. По справке наркомата на 31 декабря 1945 г. военнопленных поляков этой категории насчитывалось 7182 человека: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы, с. 205, 218, 235.

³⁷ Факты, однако, свидетельствуют о существовании в составе вермахта в годы Великой Отечественной войны так называемой Русской освободительной армии, украинского легиона, туркестанских, татарских, казачьих, азербайджанских воинских частей. Надежными источниками, подтверждающими добровольный характер вступления советских военнопленных в эти подразделения и численность тех, кто переходил на сторону Красной Армии, не располагаем.

Посол высказывает предположение, что это, может быть, немцы, знающие польский язык.

Тов. Сталин говорит, что это скорее поляки, знающие немецкий язык³⁸.

Ромер заявляет, что польское правительство убедилось в недостаточной эффективности методов сопротивления набору в германскую армию. Польскому правительству поступали с мест предложения, чтобы оно вело пропаганду за вступление поляков в германскую армию с тем, чтобы они затем сдавались на фронте русским. Польское правительство могло бы пойти на такую пропаганду только в том случае, если бы советское правительство дало заверение, что поляки, перешедшие на сторону Красной Армии, смогут затем служить под своими национальными знаменами и бороться за освобождение своей родины. Польское правительство призывало бы поляков-солдат германской армии к массовому переходу на сторону Красной Армии, указывая на перспективу службы в польских национальных войсках.

Тов. Сталин отвечает, что поляки, вступившие в германскую армию, не смогли бы переходить массами на сторону Красной Армии. Поляков разбросали бы единицами или небольшими группами по немецким войсковым частям и установили бы за ними надежный надзор. Может быть, эти поляки и захотели бы перейти на сторону Красной Армии, но они не смогли бы этого сделать, их расстреляли бы при попытке бегства через фронт. Поляки попались бы в ловушку. Немцы хорошо умеют гнать людей в бой под дулами пулеметов. На нашу сторону переходили одиночки-поляки, но все они жаловались на чрезвычайные трудности такого перехода. Гораздо легче осуществлять переход на сторону Красной Армии, когда имеются целые войсковые части из лиц одной национальности. Так, румынские и итальянские части переходили в полном составе на сторону Красной Армии. Поляки не могли и не смогли бы в будущем этого сделать, так как они находились бы небольшими группами среди немецких солдат.

Ромер обращает внимание тов. Сталина на то, что он упомянул сегодня о некотором количестве поляков, которые были все же взяты в плен Красной Армией. Как это произошло? Может быть, это имело место при наступлении Красной Армии? Если так, то в условиях наступления Красной Армии можно было бы обратиться к полякам с воззванием, призывая их переходить через фронт на сторону Красной Армии. Возможность служить под польскими знаменами вдохновляла бы этих людей на массовый переход на сторону советских войск. Польское правительство хотело бы знать мнение советского правительства по этому вопросу.

Тов. Сталин отвечает, что поляки не переходили массами на нашу сторону. Иногда переходили десятки, иногда единицы. Переход – очень опасное дело. Могут убить или русские, или немцы, – стреляют и те, и другие.

Посол заявляет, что если полякам обещать в будущем службу в Польской армии, то они будут массами переходить на сторону Красной Армии через фронт.

Тов. Сталин говорит, что за время всей войны нам пришлось встретиться только один раз с польской частью: при наступлении на Москву в 1941 году на стороне немцев сражался так называемый польско-литовский батальон. Дрался батальон жестоко и был уничтожен Красной Армией.

Посол говорит, что поскольку тов. Сталин упомянул о наличии польских военнопленных в СССР, то он, посол, хотел бы знать, какова их судьба в настоящее время.

³⁸ В обмене мнениями по вопросу о добровольном вступлении или принудительном призыве поляков в вермахт, на наш взгляд, более близок к реальному описанию дел был Сталин. Крупнейший польский историк Ч. Мадайчик считает, что в обстановке массовой германизации польского населения на территориях, включенных Гитлером в состав рейха, поляки вступали в ряды вермахта как в силу разных причин добровольно, так и по принуждению нацистских властей. Дезертирство поляков на советскую сторону было, видимо, заметным явлением, потому что в 1943 г. командование вермахта издало приказ, запрещающий направлять поляков на Восточный фронт: *Madajczyk Cz. Op. cit., s. 421, 436.*

Тов. Сталин отвечает, что с ними обращаются как с военнопленными. Мы их кормим, они, если могут, то работают. Больных и раненых мы лечим.

Ромер спрашивает, делается ли советскими властями различие между военнопленными, которые добровольно перешли на сторону Красной Армии с оружием в руках, и теми, которые были взяты в плен.

Тов. Сталин говорит, что такое различие мы делаем. Однако очень трудно определить, был ли переход добровольным или же вынужденным. За всю войну был один случай, когда 2–3 роты немцев перебили своих офицеров и перешли с оружием в руках на сторону Красной Армии. Это был, конечно, добровольный переход. Что же касается такого положения, при котором в плен сдался генерал Паулюс, то этот плен был для него единственным выходом³⁹. Голод и огонь Красной Армии гнали его в плен. Это не была добровольная сдача. Он сдался в плен не от сочувствия советскому государству.

Было бы опасно для поляков, продолжает тов. Сталин, дать им совет не мешать польским молодым людям вступать в германскую армию. Этот вопрос лучше решать на месте польским властям. Поляки должны стараться избегать военной службы в германской армии. Им лучше не идти в армию. Когда немцы будут призывать поляков в армию, то полякам нужно уходить в партизаны, прятаться или находить другой способ избежать военной службы. Вследствие этого увеличилось бы число польских партизан и уменьшилось бы количество солдат в германской армии, а поляки, призываемые в германскую армию, остались бы живы. Нужно саботировать набор в германскую армию, молодым полякам нужно скрываться в лесах.

Посол отвечает, что польское правительство именно так и действовало, но эта мера оказалась недостаточной. В тех районах Польши, где, главным образом, происходит набор в германскую армию, т.е. в Западной Польше, нет лесов или же имеются очень небольшие леса, в которых нельзя укрываться от немцев и создавать партизанские отряды. Большинство призываемых поляков было вынуждено пойти в германскую армию. Их силой загоняли в казарму.

Посол спрашивает, делается ли между взятыми в плен Красной Армией солдатами германской армии какая-нибудь разница по национальному происхождению. Было бы хорошо делать разницу между немцами и выходцами из наций, дружественных Советскому Союзу, т.е. поляками, чехами и другими. Из этих людей можно было бы создать отряды для борьбы за свободу своего отечества.

Тов. Сталин отвечает, что это пожелание посла является правильным. Может быть, следовало бы сделать обращение от командования советских войск к солдатам германской армии, выходцам из оккупированных Германией государств. Можно было бы призвать их переходить с оружием в руках на сторону Красной Армии. В этом деле нужно, конечно, проявить большую осторожность, так как немцы могут подослать кое-кого. Все же мы постараемся это сделать. Что же касается различия по национальности, то мы его проводим. Поляк – не немец, нечего это доказывать. Однако нужно считаться с тем, что в случае такого обращения советского командования, немцы усилят надзор за своими солдатами славянского происхождения.

Посол говорит, что лучше всего было бы сделать это обращение через секретные организации польского правительства. Тогда это обращение стало бы известным молодым полякам еще до вступления в армию. Немцы о нем ничего не знали бы, и это не вызвало бы их беспокойства.

Тов. Сталин говорит, что в случае такого обращения немцы могут проделать с поляками то же, что они проделали со словацкими войсками. После того, как отдельные словаки начали переходить на сторону Красной Армии, немцы отвели словацкие части в тыл и поставили их на охрану складов, освободив тем самым немецкие части для пере-

³⁹ Командующий 6-й германской армией фельдмаршал Ф.Э. Паулюс сдался в плен 31 января 1943 г. в Сталинграде.

броски на передовые позиции. Таким образом, получилось, что словаки оказали помощь немцам⁴⁰. Так же поступят немцы и с поляками, если последние начнут переход на сторону Красной Армии. Немцы поставят их на тыловую службу и освободят немецкие войска для переброски на фронт. Окажется, что поляки придут немцам на помощь. Вместе с тем, немцы усилят контроль за поляками и сделают побег из армии очень затруднительными. Если польские секретные организации обратятся к молодым полякам с призывом вступать в германскую армию, то силы этих организаций в Польше ослабнут, прекратится антигерманский саботаж и другая антигерманская деятельность в Польше. Тов. Сталин говорит, что он колеблется и не знает, что же лучше. Он все же думает, что лучше не пускать поляков в германскую армию. Это будет лучше и для поляков, и для Красной Армии. Если поляки не могут бежать в Познани или в Силезии, то они могут бежать из германской армии по пути через Польшу. Мы знаем, что много поляков убито на фронте. Война есть война. Наши войска ведут огонь против окопов противника, артиллерия устраивает огневые налеты. Мы не знаем при этом, находятся ли в окопах противника немцы, поляки, голландцы, норвежцы или же какие-либо другие солдаты. Получается так, что русские убивают поляков, но и поляки из германских окопов убивают русских. Для поляков лучше не ходить в армию, и, если есть возможность, – лучше уходить в леса, укрываться от набора. Трудно, конечно, поляку не идти в германскую армию: отказываясь идти в германскую армию, он подвергает опасности жизнь своей семьи, своих детей, но и идти в армию опасно. Нужно выбирать между плохим и худшим. В партизаны идти плохо, идти в германскую армию еще хуже.

Поблагодарив за ответ, посол говорит, что польское правительство также считает, что нужно противодействовать набору в германскую армию. Польская пропаганда за переход на сторону Красной Армии была обращена к тем полякам, которые были взяты силой в германскую армию, т.е. к тем, которые не смогли избежать военной службы. Однако, эта мера недостаточная. Все же много поляков служит немцам. Что же касается возможности использования этих поляков в тылу, то и среди них можно вести пропаганду, призывая их к саботажу или к переходу на сторону партизан.

Тов. Сталин говорит, что, пожалуй, так правильно. Нужно говорить полякам, что они не должны идти в германскую армию. Если же им не удалось избежать военной службы и они попали на фронт, то пусть они переходят на сторону Красной Армии. Если же они находятся в тылу, то пусть они саботируют или переходят к партизанам. Вся эта пропаганда должна проводиться на базе отказа поляков от службы в германской армии. Так было бы правильно.

Посол спрашивает, может ли он сообщить своему правительству, что поляки, которые будут переходить на сторону Красной Армии, смогут затем, после соответствующей проверки, вступать в польскую армию.

Тов. Сталин говорит, что он не может сейчас ответить положительно на этот вопрос. Мы имеем опыт с организацией Польской армии на территории СССР. Если найдутся поляки, которые перейдут на нашу сторону, то из них можно будет образовывать добровольческие соединения – полки или дивизии. Эти поляки дрались бы с немцами под советским командованием и в составе Красной Армии. Если же создавать отдельную польскую армию, то была бы опасность, что после формирования ее

⁴⁰ Словацкие войска численностью 15–18 тыс. человек находились на советско-германском фронте уже в июле 1941 г. С апреля 1942 г. словацкая дивизия использовалась гитлеровцами главным образом для охраны коммуникаций на территории Белоруссии и Украины; в октябре 1943 г. она была разбита под Мелитополем, затем занята на строительстве укреплений на Украине, в Молдавии и на словацкой границе; распалась после начала в августе 1944 г. Словацкого восстания: *Bystrický J. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsiliu nacistického Nemecka v poslednom roku druhej svetovej vojny. – Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období*. Bratislava, 2006, s. 11–12, 14–16.

ушлют [так в тексте. – А.Н.] в Месопотамию, в Ирак, а нам опять не будет никакой помощи от поляков⁴¹.

Ромер говорит, что он не хотел бы продолжать дискуссии по вопросу о Польской армии. Поляки согласились бы на то, чтобы отряды польских добровольцев сражались вместе с Красной Армией до возвращения в Польшу. В то же самое время польское командование не исключает возможности – если это является актуальным – возвращения польских армий на советско-германский фронт⁴².

Тов. Сталин спрашивает посла, не стоит ли на этом закончить беседу или же у него есть еще какие-нибудь вопросы.

Посол говорит, что он хотел бы обратить внимание тов. Сталина еще на один очень важный вопрос, – это вопрос о сотрудничестве между СССР и Польшей, которому польское правительство придает большое значение. Посол хотел бы обратить внимание тов. Сталина на то, что недавнее решение советского правительства создало тягостное положение в советско-польских отношениях, чем польское правительство весьма озабочено⁴³. В связи с соглашением между Сталиным и Сикорским от 30 июля 1941 г. и декабрьской декларацией⁴⁴ было принято решение об амнистии всех польских граждан, и из амнистированных поляков была сформирована Польская армия. По этим же соглашениям польское правительство могло оказывать помощь польскому населению на советской территории. При этом польские власти никогда не хотели того, чтобы поляки в СССР находились в лучших, чем советское население, условиях. Однако нужно признать, что поляки все же находились в весьма тяжелом положении. Они должны были выехать из Польши, оставив там почти все свое имущество, и были размещены в отдаленных районах, где климат, пища, условия работы, традиции и обычаи были для них непривычными. Поэтому польское правительство организовало оказание помощи польскому населению при поддержке английских и американских властей. Был создан специальный аппарат помощи полякам.

Решением советского правительства, принятым в декабре 1941 г., из числа польских граждан были исключены некоторые категории национальных меньшинств, а решение советского правительства, принятое в январе с.г., лишает польского гражданства почти всех поляков, находящихся в СССР. Ромер заявляет, что он обсуждал вопрос о помощи полякам с В.М. Молотовым, который поставил его в рамки ноты Наркоминдела от 16 января. Посол просит советское правительство не производить плохого впечатления

⁴¹ Представители польского правительства не впервые ставили перед советской стороной вопрос о зачислении в польскую армию взятых в плен военнослужащих вермахта – поляков по национальности. Так, на встрече с Молотовым 30 октября 1942 г. Ромер интересовался статусом и возможностью призыва таких пленных в Польские вооруженные силы. Советский нарком тогда высказал отрицательное отношение к этим намерениям польской стороны (*Materski W. Op. cit., s. 681*). В публикуемой беседе Сталин не только подтвердил сказанное Молотовым, но и аргументировал советскую позицию, напомнив об эвакуации Польской армии из СССР в Иран летом 1942 г.

⁴² Такое развитие событий уже вряд ли было возможным. После разрыва советско-польских отношений весной 1943 г. усилиями польских коммунистов и офицеров, оставшихся на территории СССР после эвакуации армии под командованием В. Андерса, начала создаваться сначала 1-я пехотная дивизия им. Т. Костюшко, преобразованная в Польский корпус, а затем в 1-ю Польскую армию, действовавшую в составе Красной Армии. С осени 1943 г. она принимала участие в боевых действиях против вермахта и дошла до Берлина.

⁴³ Посол имел в виду уже упоминавшуюся советскую ноту от 16 января 1943 г. По данным НКВД СССР, на советской территории на 13 января 1943 г. находился 215081 бывший польский гражданин. Из них 92224 человек были поляками по национальности. – АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 25, л. 17.

⁴⁴ Речь идет о Декларации правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи, подписанной 4 декабря 1941 г. по итогам визита генерала В. Сикорского в Москву. В ней, в частности, говорилось: "Войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками" – ДМИСПО, т. VII, с. 257, 214.

на польское правительство и польское общественное мнение, которые удивлены внезапным решением советского правительства.

По мнению посла, польскими гражданами являются все поляки, жившие в границах польского государства 1939 г. Однако в ноте НКВД от 16 января оспаривается это положение по отношению к населению тех областей, принадлежность которых к Польской республике оспаривается советским правительством. При этом советское гражданство навязывается не только коренному населению этих районов, но и беженцам, которые жили до нападения Германии в западных районах Польши, а затем случайно оказались в Западной Украине и Западной Белоруссии.

Тов. Молотов обращает внимание посла на то, что вопрос о гражданстве населения Западной Украины и Западной Белоруссии решается в соответствии с советским законом о гражданстве. Советские власти не претендуют на то, что гражданами СССР являются лица, которые случайно были на этой территории. Там находились не только польские граждане, но и румыны, турки, японцы и др. Никому из них не навязывалось советское гражданство, не навязывалось оно и польским гражданам. Советскими гражданами признаются те лица, которые постоянно проживали на названной территории на 1–2 ноября 1939 года. Если же те или иные поляки туда прибыли случайно, – например, по торговым или другим делам или были беженцами, – то вопрос о их гражданстве должен быть рассмотрен в каждом случае индивидуально.

Ромер говорит, что в ноте Наркоминдела от 16 января сказано, что все лица, находившиеся на 1–2 ноября на территории, оспариваемой Советским Союзом у Польши, становятся советскими гражданами. То, что сейчас сказал Народный Комиссар Иностранных Дел, является новым и чрезвычайно важным для посла. До сего времени в ответ на все вопросы, с которыми обращалось польское посольство по делам польских граждан в Наркоминдел, последний начинал рассмотрение этих просьб с вопроса о том, находилось ли данное лицо до 1–2 ноября на территории так называемых Западной Белоруссии и Западной Украины. Польское посольство могло бы назвать имена тех лиц, которые всегда проживали в западных районах Польши и которым советские власти отказали в принятии польского гражданства. Таковыми являются, например, Эрлих и Альтер⁴⁵. Альтер был муниципальным советником Варшавы, всегда жил там, и, однако, за ним отказались признать польское гражданство. В настоящее время советские власти на местах признают всех поляков советскими гражданами.

Тов. Сталин отвечает, что польские власти почему-то упорно считают всех поляков в СССР польскими гражданами. Может быть, поэтому агенты советского правительства в ответ считают всех поляков, находящихся в СССР, советскими гражданами. Нужно покончить с крайностями. Нужно также считаться с тем, что кое-что зависит и от личности того лица, о гражданстве которого идет речь. Например, есть поляка – Ванда Василевская⁴⁶. Спросите ее, хочет ли она быть польской гражданкой? Конечно, нельзя здесь, за столом, предвидеть все случаи, которые встречаются в практической жизни. Могут быть исключения в ту и в другую сторону. Есть нота Народного Комиссариата Иностранных Дел. Нужно правильно ее применять. Можно допустить, что органы вла-

⁴⁵ В. Альтер и Х. Эрлих – известные деятели Бунда, арестованы НКВД осенью 1939 г., освобождены по амнистии осенью 1941 г., сотрудничали с польским посольством, вновь арестованы в декабре 1941 г. по подозрению в шпионаже; в мае 1942 г. Эрлих совершил самоубийство. Альтер расстрелян в феврале 1943 г. по обвинению в шпионаже. – *Duraczyński E. Polska 1939–1945*, s. 204.

⁴⁶ *Василевская Ванда Львовна* (1905–1964) – польская, советская писательница и общественный деятель. С осени 1939 г. находилась на территории Западной Украины, приняла советское гражданство, в 1941 г. вступила в ВКП(б), избиралась депутатом Верховного Совет СССР; являлась одним из учредителей общественной организации – Союз польских патриотов, возглавила ее в феврале 1943 г.; вместе с группой польских и советских офицеров весной – летом 1943 г. участвовала в создании 1-й Польской армии. Василевская активно поддерживала деятельность находившихся в СССР польских коммунистов; исполняла роль идейно-политического посредника между ними и Сталиным в процессе подготовки документов и создания в июле 1944 г. в Москве Польского комитета национального освобождения.

сти не всегда правильно применяли положения этой ноты. Неправильно, что все поляки, которые жили и работали на этой территории, остаются польскими гражданами. Нужно с этим положением покончить. В свое время советское правительство сделало для поляков исключение, которого не нужно было делать.

Не является ли странным, продолжает тов. Сталин, что в польских органах печати в Америке, в Англии, в нелегальных газетах, издающихся на территории Польши, прямо пишется, что врагом Польши № 1 является Германия, а врагом № 2 – Россия. Мы, однако, на это не отвечаем. Как думает посол, могут ли такого рода выступления польской печати улучшить отношения между нашими странами?

Ромер отвечает, что польское правительство никогда не претендовало на то, что все поляки, которые находятся на советской территории, являются польскими гражданами. В Советском Союзе живет много поляков, на гражданство которых польское правительство не претендует. Польское правительство готово обсудить спорный вопрос о гражданстве. Лично посол считает, что большое значение имеет личное волеизъявление того человека, о гражданстве которого идет спор. Польское правительство желало бы продолжать помощь полякам на советской территории, а также желало бы добиться разрешения на выезд из Советского Союза некоторым категориям поляков (семьям военных, сиротам и др.).

Соответствующее решение советского правительства по этому вопросу заставило бы замолчать враждебные Советскому Союзу голоса, которые дают о себе знать в польской печати. Аналогичные, если не еще более враждебные голоса, раздаются с советской стороны по адресу Польши. Посол подразумевает в данном случае радиостанцию "Костюшко", радиостанцию [г.] Куйбышева и другие радиостанции Коминтерна, которые критикуют польское правительство, польские официальные органы, нападают на польский народ⁴⁷.

Тов. Сталин заявляет, что советские радиостанции не ведут такой пропаганды.

Посол отвечает, что он может представить доказательства правильности своего заявления.

Тов. Сталин просит посла это сделать.

Говоря о враждебных Советскому Союзу выступлениях польской печати, посол заявляет, что польскому правительству трудно с ними бороться. Ведь само польское правительство находится за границей, и поляки, выступающие против СССР, тоже находятся за границей, т.е. в Англии, Америке и других странах, с законами которых приходится считаться польскому правительству⁴⁸. Посол заявляет, что советское правительство не может решать односторонним актом вопрос о территориях и границах. Переход некоторых территорий от Польши к СССР происходил в таких условиях, когда Польша и

⁴⁷ Радиостанция им. Т. Костюшко была создана в Москве в начале лета 1941 г. по решению советских властей и при участии группы польских коммунистов, в том числе В.Л. Василевской, писателя Е. Путранента и других. Вещание на польском языке началось в июле 1941 г. С осени 1941 г. в связи с приближением гитлеровцев к Москве упомянутые послом радиостанции, как и многие советские правительственные учреждения и общественные организации, были временно эвакуированы в Куйбышев (ныне – Самара). По мере ухудшения советско-польских отношений тон вещания становился все более критическим в отношении польского правительства и его подпольных структур в Польше. Постоянными оставались призывы поляков к борьбе с гитлеровскими оккупантами, включая вооруженное сопротивление.

⁴⁸ Утверждения посла представляются односторонними. Польское правительство располагало подчиненными ему органами печати как в эмиграции, например, в Лондоне, так и издававшимися в подполье на территории, оккупированной гитлеровцами. Но польская печать, как и само правительство, не была политически одноликой. Курс Сикорского на сближение с Москвой вызвал в 1941 г. острые разногласия и кризис в правительстве, которое покинули представители правого политического спектра. Бурные дискуссии в печати сторонников и противников политики генерала сопровождались резкими заявлениями в адрес СССР. Сохранялось представление о советском союзнике по антигитлеровской коалиции как о враге Польши. Правительство и печать были едины в отстаивании границы 1921 г., что в Москве расценивалось как откровенный антисоветизм и покушение на территориальную целостность СССР.

СССР были в противоположных лагерях. Затем, после нападения Германии на СССР, обе страны оказались в одном и том же лагере, в связи с чем польское правительство решило отложить на будущее вопрос о границе между СССР и Польшей.

Если считать, говорит тов. Сталин, что украинский и белорусский народы имеют право на свое государство, то осенью 1939 года произошло воссоединение украинского и воссоединение белорусского народов. Украинцы и белорусы – не поляки. Советский Союз не присоединил к себе никаких польских провинций⁴⁹. Все польские провинции отошли к Германии.

Ромер говорит, что вопрос о переходе территорий, о которых идет речь, от Польши к Советскому Союзу решался без участия польского правительства.

"Но в решении этого вопроса, – отвечает тов. Сталин, – принимали участие украинский и белорусский народы".

Посол отвечает, что в данном случае тов. Сталин, по-видимому, имеет в виду плебисцит. Однако этот плебисцит имел место на территории, определенной советско-германским договором, который был впоследствии аннулирован соглашением между Польшей и СССР. До этого граница между СССР и Польшей была свободно определена обеими странами в дружественном порядке.

Тов. Сталин говорит, что базой советского договора с Германией был вопрос о ненападении, а не вопрос о границах. После нападения Германии на СССР была разрушена база этого договора. Следовательно, мы не могли признавать остающимся в силе тот договор, который был уже нарушен Германией.

Посол заявляет, что поляки продолжают признавать Рижский договор действующим. Ни один поляк не согласится с тем, что Львов или Вильно не являются польскими городами. Для того чтобы не портить отношений между СССР и Польшей, поляки предлагают оставить вопрос о границе открытым и обсудить его потом, когда он станет актуальным. Поляки хотели бы урегулировать отношения с Советским Союзом для того, чтобы усилить совместную борьбу наших стран против общего врага.

Тов. Сталин отвечает, что мы молчим по вопросам советско-польских отношений и границ. Что же касается польского правительства, то еще вчера оно опубликовало специальную декларацию по этому вопросу, в которой повторяется, что польское правительство желает сохранить старые границы⁵⁰.

Посол говорит, что это заявление польского правительства является только ответом на статью Корнейчука в "Правде" и "Известиях", а также на советские радиопередачи⁵¹. Посол хотел бы найти способ устранить трения из советско-польских отношений. Если

⁴⁹ В соответствии с советско-германскими договорами от 23 августа и 28 сентября 1939 г. западная граница СССР была установлена по так называемой "линии Керзона", предложенной Антантой в 1919 г. и вычерченной по этнографическому принципу. Тем самым были аннулированы итоги проигранной советской Россией польско-советской войны 1919–1920 гг. По Рижскому договору 1921 г. спорные западно-украинские и западнобелорусские территории со смешанным населением отошли к Польше. Среди 13,4 млн. жителей Западной Украины и Западной Белоруссии численный перевес был на стороне украинцев и белорусов, поляками были 4–5 млн., евреями – 1,1 млн. человек. Особенностью облика этих земель было расселение украинцев и белорусов, главным образом, в деревнях, хотя представители национальной интеллигенции проживали, как правило, в городах, а польское население абсолютно преобладало в городе, прежде всего во Львове и Вильно (Вильнюс): *Torzecki R. Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1993, s. 32; *Klimecki M. Geneza i organizacja polskiej samoobrony na Wołyniu i w Małopolsce Wschodniej podczas II wojny światowej*. – *Polska – Ukraina: trudne pytania*, t. 3. Warszawa, 1998, s. 57.

⁵⁰ Имеется в виду упоминавшееся заявление польского правительства от 25 февраля 1943 г.

⁵¹ Длительный период советское правительство, будучи заинтересованным в нормализации отношений с польским партнером по антигитлеровской коалиции, не предавало гласности информацию о советско-польских разногласиях. Только в начале 1943 г., в частности, в статье "Воссоединение украинского народа в недрах своего государства" заместителя наркома иностранных дел СССР, украинского писателя А.Е. Корнейчука до сведения советской и зарубежной общественности была доведена позиция правительства по вопросу о советско-польской границе: *Правда*, 20.II.1943; *Известия*, 21.II.1943.

бы польское население в СССР продолжало по-прежнему получать помощь, то посол уверен, что смолкли бы все враждебные СССР голоса в польской печати, и между нашими странами установилась бы искренняя и длительная дружба. Польское правительство хотело бы, чтобы вопрос о границах, о гражданстве и о помощи полякам был бы рассмотрен между обоими правительствами без вмешательства третьих сторон.

Тов. Сталин заявляет, что никто из официальных представителей СССР не отвечал на нападки с польской стороны, в то время как официальные польские деятели, такие как Рачинский, Грабский⁵² и другие, неоднократно выступали с заявлениями, враждебными Советскому Союзу. Со стороны советского правительства не было никакого выступления против Польши. Дело в том, что мы имеем больше терпения, чем его имеют поляки.

Ромер отвечает, что терпения всегда больше у того, кто что-то приобрел, и меньше – у того, кто что-то потерял. Поляки потеряли территорию и теперь они теряют несколько сот тысяч польских граждан, которым навязывают советское гражданство.

Тов. Сталин говорит, что Советский Союз потерял территорию значительно большую, чем вся Польша, однако он не теряет терпения.

Посол замечает, что Советский Союз берет обратно ту территорию, которую он потерял.

Тов. Сталин отвечает, что советские войска берут обратно эту территорию, они дойдут до Польши, освободят Польшу от немцев, отдадут ее польскому правительству, а польское правительство обидится и скажет, что это односторонний акт, и оно с ним не согласно. Мы от Польши ничего не хотим, – говорит тов. Сталин, – Мы, наоборот, поможем Польше, а пока что несем на своей спине всю тяжесть войны.

Посол заявляет, что он передаст заверения тов. Сталина своему правительству. Он, посол, хотел бы найти способ к урегулированию советско-польского спора о гражданстве. Перед своим отъездом в Лондон он вел переговоры с Вышинским⁵³ и Молотовым о помощи польским гражданам и имел со стороны Вышинского определенные обещания, которые вдруг все были аннулированы в связи с внезапным решением советского правительства. Ромер спрашивает, будет ли при решении вопроса о гражданстве приниматься во внимание пожелание того лица, о гражданстве которого стоит вопрос.

Тов. Сталин говорит, что это пожелание будет приниматься во внимание. Однако следует учитывать, что если данное лицо мобилизовано в армию, то оно может согласиться принять любое гражданство и ехать куда попало, хотя бы в Австралию, – лишь бы избежать военной службы. Поэтому при решении вопроса о гражданстве нужно учитывать различные факторы. Следует считаться с тем, каково гражданство этого человека по закону и хочет ли он уехать из СССР. Однако при этом мы не хотим поощрять дезертирство и будем каждый отдельный случай гражданства рассматривать конкретно.

Ромер спрашивает, как будет решаться вопрос о детях до 12 лет. Те дети, которые находятся в семье, будут следовать гражданству семьи. А как будет с сиротами?

Тов. Сталин отвечает, что вопрос о детях будет решаться на основании законов о гражданстве. Сейчас трудно дать общую норму. Нужно рассматривать эти вопросы конкретно.

⁵² *Рачинский Эдвард* (1891–1993) – кадровый дипломат, в 1941–1943 гг. – министр иностранных дел, затем посол правительства Польши в Лондоне; *Грабский Станислав* (1871–1949) – профессор Львовского университета, депутат Сейма, министр; освобожден из заключения по Указу Верховного Совета СССР об амнистии от 12 августа 1941 г.; выехал в Англию, поддерживал курс В. Сикорского и его преемника С. Миколайчика, председатель Национального совета Польской Республики; в 1945 г. вице-председатель Крайовой Рады Народовой, профессор Варшавского университета.

⁵³ *Вышинский Андрей Януарьевич* (1883–1954) – генеральный прокурор СССР, заместитель наркома (министра), министр иностранных дел, представитель СССР в ООН. Во второй половине января 1943 г. Т. Ромер находился в Лондоне, где на заседании польского кабинета обсуждалась советская нота от 16 января 1943 г.

Ромер говорит, что он предлагает, чтобы между обоими правительствами было достигнуто соглашение, в котором были бы зафиксированы условия определения гражданства поляков в СССР. Такое соглашение, заключенное в широком духе примирения, произвело бы хорошее впечатление на польскую общественность.

Посол должен считаться с тем, отвечает тов. Сталин, что мы не можем нарушать нашего закона о гражданстве.

Посол говорит, что из этого закона все же были сделаны исключения, о которых говорилось в ноте Наркоминдела от 1 декабря 1941 г. Можно было бы обсудить новое соглашение, чтобы не было различных толкований решения советского правительства.

Тов. Сталин отвечает, что мы не можем изменять законов.

Посол говорит, что можно было бы сделать уточнение о применении закона к тем или иным категориям граждан.

Тов. Сталин говорит, что он не возражает против переговоров, если посол их предлагает.

Ромер говорит, что он предлагает вести переговоры, но не обсуждать во время этих переговоров вопроса о границе. Этот вопрос трудно обсуждать в настоящее время тем более, что нет и не будет такого польского правительства, которое согласилось бы на изменение границ с СССР, предлагаемое советским правительством.

Тов. Сталин замечает, что в СССР тоже нет и не будет правительства, которое согласилось бы изменить границу с Польшей 1939 г. и оторвать от Советского Союза районы, включение которых в Союз определено Конституцией СССР.

Посол говорит, что он хотел бы во время переговоров обсудить два вопроса: 1) вопрос о пропаганде с тем, чтобы избежать выступлений друг против друга и 2) вопрос о гражданстве и вытекающих из него для поляков последствиях (помощь польским гражданам в СССР и пр.). Польское правительство не хотело бы обсуждать в настоящее время вопрос о границах.

Тов. Молотов напоминает послу, что только вчера польское правительство опубликовало специальное заявление по вопросу о границах.

Посол отвечает, что это заявление было ответом на выступление советского радио и газет.

Тов. Сталин говорит, что советское радио и советские газеты – это не советское правительство. Советское правительство хранит молчание по этому вопросу.

Ромер говорит, что разногласия между Советским Союзом и Польшей могут быть полезны только для немцев. Поляки хотели бы избежать всяких трудностей в отношениях с СССР. Посол предлагает отдельные спорные вопросы гражданства рассмотреть еще до заключения соглашения. Может ли он получить заверение, что помощь полякам может продолжаться?

Тов. Сталин отвечает, что он этого не знает и предлагает послу обратиться в Наркоминдел, так как вопрос, заданный им, является практическим вопросом.

Посол говорит, что ему хотелось бы успокоить общественное мнение Польши, возбужденное последними выступлениями с советской стороны. Таким выступлением является, в частности, статья Корнейчука⁵⁴.

Тов. Сталин отвечает, что это всего одна статья и при этом статья журналиста. Это не есть заявление советского правительства. Мы эту статью пропустили потому, что считали, что украинский журналист имеет право высказаться.

Посол говорит, что для успокоения польского общественного мнения большую роль сыграло бы заверение советского правительства в том, что польско-советские спорные вопросы будут урегулированы.

Тов. Сталин отвечает, что заранее он ничего обещать не может.

Посол спрашивает, где лучше будет вести переговоры.

Тов. Сталин спрашивает, где было бы удобнее, по мнению посла.

Посол предлагает вести переговоры в Москве.

Тов. Сталин на это соглашается и говорит, что с советской стороны переговоры будет вести тов. Молотов.

⁵⁴ Речь идет о статье Корнейчука в "Правде" (см. сноску № 50).

Посол заявляет, что он телеграфирует польскому правительству о беседе и будет ждать от него инструкций. Он, посол, весьма признателен тов. Сталину за проявленную добрую волю к устранению трудностей из советско-польских отношений. Он также признателен за те заверения, которые были даны тов. Сталиным. С польской стороны будет сделано все, чтобы идти навстречу доброй воле советского правительства⁵⁵.

Беседа началась в 22 часа 25 минут и продолжалась 3 часа 15 минут.

Записал Подцероб⁵⁶

Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАС-ПИ), ф. 558, оп. 11, д. 354, л. 12–35. Подлинник.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ И.В. СТАЛИНА И В.М. МОЛОТОВА С О. ЛАНГЕ⁵⁷

г. Москва
Кремль

17 мая 1944 г.
сов. Секретно

Ланге благодарит тов. Сталина за то, что он его принял и за то, что он, Ланге, получил возможность познакомиться с Польской армией в СССР и с деятельностью Союза Польских Патриотов. У него, Ланге, имеется теперь конкретное представление о том, что собой представляет польская армия и Союз Польских Патриотов. Он, Ланге, разговаривал с солдатами и теперь он знает, что это за люди и что они думают.

Тов. Сталин спрашивает, видел ли Ланге Берлинга⁵⁸.

⁵⁵ В начале марта 1943 г. Т. Ромер в информации Э. Рачинскому в Лондон о переговорах в Кремле следующим образом охарактеризовал позицию Сталина и Молотова: "Они не сторонятся от бесед с нами, разрыва отношений не хотят, на него не рассчитывают и хотели бы договоренностей без посредников": *Duraczynski E. Rząd Polski na uchodźstwie. 1939–1945, s. 219*. Тем не менее, острота разногласий по вопросам территориального разграничения и гражданства поляков на территории СССР, непрерывно нарастала. Происходил обмен резкими нотами и заявлениями. Отношения двух стран вступили в критическую фазу своего развития. Через две недели после оглашения Германией информации об обнаружении захоронений польских офицеров, расстрелянных НКВД СССР недалеко от Смоленска весной 1940 г., советское руководство обвинило польское правительство в антисоветских действиях на стороне гитлеровской Германии. 25 апреля 1943 г. Москва приняла решение о перерыве дипломатических контактов с польским правительством в эмиграции, как оказалось навсегда.

⁵⁶ *Подцероб Борис Федорович* (1910–1983) – в 1943 г. сотрудник центрального аппарата наркомата иностранных дел СССР.

⁵⁷ Настоящей беседе предшествовала встреча Ланге с Молотовым 24 апреля 1944 г., где подробно обсуждались настоящее и будущее советско-польских отношений (Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М. – Новосибирск, 1997, с. 19–28). Советская сторона предоставила Ланге возможность познакомиться с положением польского населения в СССР и деятельностью польских эмигрантов, а также посетить части 1-й Польской армии. Его визит регулярно освещался в советской печати (Правда, 22, 23.V.1944; Известия, 23.V.1944). 12 июня 1944 г. было опубликовано сделанное в США заявление О. Ланге об итогах посещения СССР. (См. также сноску № 21).

Союз польских патриотов (СПП) – общественная антифашистская организация создана в Москве в феврале 1943 г. с согласия и при поддержке советского правительства для обеспечения национальных и социальных интересов польского населения на территории СССР. Работала под руководством польских коммунистов. Возглавляла СПП В.Л. Василевская. (См. также сноску № 45).

⁵⁸ *Берлинг Сигизмунд (Зыгмунд)* (1896–1980) – генерал Войска Польского; в межвоенное время кадровый офицер, подполковник; в сентябре 1939 г. участия в боевых действиях не принимал; был интернирован в Литве, затем находился в лагерях НКВД СССР; осенью 1940 – весной 1941 гг. привлекался советской стороной к организации Польской армии на территории СССР; состоял в рядах армии, создававшейся польским правительством в соответствии с Соглашением от 30 июля 1941 г., отказался подчиниться приказу командования этой армии об эвакуации в Иран; был сторонником военно-политического союза Польши и СССР; весной 1943 г. стал командующим Польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко, преобразованной в Польский корпус и затем в 1-ю Польскую армию. С осени 1943 г. они воевали в составе 1-го Белорусского фронта.

Ланге отвечает, что Берлинг его сопровождал во время поездки по частям Польской армии.

Тов. Сталин замечает, что в Америке стали клеветать на Орлеманьского⁵⁹. Орлеманьскому повредило то, что он очень экспансивный и боевой человек. Но он честный человек и любит Польшу. Таково наше впечатление. Сейчас Орлеманьский нас успокаивает, заявляя, что это только начало борьбы.

Ланге говорит, что он, Ланге, боится, как бы Орлеманьский не порвал с церковными властями.

Тов. Сталин замечает: "Что за крокодилы. За что они напали на Орлеманьского?"

Ланге говорит, что это преимущественно ирландцы, более реакционная часть католиков. Епископ, которому подчиняется Орлеманьский, О'Лири, тоже ирландец.

Тов. Сталин спрашивает, составляют ли поляки большинство в приходе Орлеманьского.

Ланге отвечает утвердительно.

Тов. Молотов говорит, что имеется сообщение о том, что наказание снято с Орлеманьского.

Тов. Сталин замечает: "Какие-то крокодилы! Вот это демократия! Орлеманьского даже не вызывали для объяснений и наложили на него взыскание".

Ланге отвечает, что Польская армия в СССР произвела на него хорошее впечатление.

Тов. Сталин говорит, что поляки – это хороший боевой материал. Это доказано историей. Мы даем полякам лучшую технику.

Ланге говорит, что Польская армия представляет собой крупную политическую силу. Она будет расти.

Тов. Сталин отвечает, что Польская армия может вырасти до 1 миллиона человек.

Ланге, соглашаясь с этим, говорит, что он беседовал с солдатами для того, чтобы познакомиться с их политическими взглядами. Все они хотят создания новой демократической Польши. Никто не хочет возвращаться в предвоенную Польшу. Они хотят аграрной реформы, но с условием сохранения индивидуальной собственности, а не на основе коллективизации.

Тов. Сталин замечает, что для коллективизации в Польше нет почвы.

Ланге отвечает, что солдаты говорят о кооперативах в Польше⁶⁰.

Тов. Сталин отвечает, что это хорошая мысль.

⁵⁹ *Орлеманьский Станислав* – американский гражданин польского происхождения, католический священник, общественный деятель польской диаспоры в США. Был сторонником сотрудничества Польши и СССР в борьбе против Германии. Осенью 1943 г. Орлеманьский основал общественную организацию "Лига им. Костюшко", которая приветствовала участие армии под командованием Берлинга в боях на советско-германском фронте, признавала "право украинцев и белорусов объединиться со своими братьями в советских республиках" (РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 711, л. 41). В письме в советское консульство в Чикаго в январе 1944 г. Орлеманьский поддержал идею создания в СССР Польского национального комитета, высказывался за то, чтобы "Россия взяла территории, ей принадлежащие", предоставив при этом территориальную компенсацию Польше на Западе (АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 26, л. 54–55). Вместе с Ланге был приглашен в Москву, принят Молотовым 26 апреля 1944 г. (Архив внешней политики МИД РФ, ф. 06, оп. 6, п. 41, д. 545, л. 12–16), и Сталиным 28 апреля и 4 мая 1944 г. (См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М. – Новосибирск, 1997, с. 36–42; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999, с. 58–62). Орлеманьский ознакомился с положением польского населения в СССР, побывал в 1-й Польской армии; выступил по радиовещанию на Польшу, сделал заявление для печати (Правда, Известия 6, 7.V.1944). Иностранная печать по-разному реагировала на этот визит. В ряде американских СМИ была развернута кампания осуждения Орлеманьского. Он был подвергнут церковному наказанию и временно отстранен от пастырского служения (АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 26, л. 150, 155). Информация об этом публиковалась в СССР (Правда, 15, 18.V.1944; Известия, 23.V.1944).

⁶⁰ Имеется в виду традиционная для Польши и популярная среди населения страны сбытовая и потребительская кооперация.

Ланге заявляет, что польские солдаты хотели бы, чтобы в Польше были организованы станции, на которых можно было бы получить на прокат сельскохозяйственные машины и орудия. Вообще, он, Ланге, должен сказать, что польские солдаты в некоторых вопросах идут дальше, чем Союз Польских Патриотов. Польские солдаты говорят о желательности национализации крупной промышленности и банков в Польше. В этом отношении имеет место почти полное единодушие.

Тов. Сталин замечает, что это не плохо.

Ланге говорит, что когда Польская армия придет в Польшу, настроения ее (армии. – *А.Н.*) будут еще более радикальными.

Тов. Сталин говорит, что если в Польшу придет лондонское правительство, то настроения в Польше будут более радикальными. Если в Польшу придет другое правительство, демократическое правительство, то радикальные излишества отпадут.

Ланге говорит, что сейчас в польской армии в СССР преобладают осадники⁶¹ и кулаки. Но они встретятся в Польше с промышленным пролетариатом и растворятся в более широких слоях польского населения.

Тов. Сталин отвечает, что немецкое иго поставило кулаков и бедноту в один ряд. Конфликта между этими слоями не будет. Конфликт будет иметь место с крупными помещиками.

Ланге замечает, что у некоторых членов Союза Польских Патриотов, в особенности у коммунистов, имеется недооценка возможности более радикального развития событий в Польше.

Тов. Сталин отвечает, что это возможно. Мы их удерживаем от радикализма⁶².

Ланге говорит, что все солдаты в Польской армии спрашивали о положении своих семей в СССР. Этот вопрос их очень беспокоит.

Тов. Сталин отвечает, что теперь мы могли бы облегчить положение семей польских военнослужащих. Мы могли бы им помочь. Хорошо было бы иметь материал, сколько имеется семей. Может быть, их стоило бы придвинуть ближе к Днепру, чтобы польские солдаты могли видеться с родными.

Ланге заявляет, что это их беспокоит. Польские солдаты говорили об этом в присутствии Берлинга. Имеется другой вопрос. Когда польские солдаты придут в Польшу, они будут влиять на мнение польского населения об СССР.

Тов. Сталин отвечает, что Кот и его группа спровоцировали советское правительство на некоторые шаги в отношении поляков в СССР. Мы их стесняли⁶³. Но пусть они расскажут в Польше всю правду.

⁶¹ Осадники – поляки, преимущественно демобилизованные солдаты и офицеры Войска Польского, получившие земельные наделы на бывших территориях Российской империи, отошедших к Польше по условиям Рижского договора с Советской Россией (1921 г.).

⁶² В начале 1944 г. в Москве вызвал опасения "сектантский курс" руководства Польской рабочей партии, который, как считали в аппарате ЦК ВКП(б), мог создать "ложное впечатление, что ППР ведет курс на советизацию Польши, чего на самом деле нет и не должно быть" (СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сб. док. М., 1995, с. 28). Сталин предостерегал от радикализма, в частности по вопросу об аграрных преобразованиях, и польских коммунистов, находившихся в Москве. Об этом свидетельствуют его пометы, сделанные в апреле 1944 г. на полях проекта Декларации Польского национального комитета (АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 26, с. 105). Не допустить таких проявлений в политике всех компартий стран Восточной Европы, получивших по итогам войны шанс участия во власти, было важнейшей задачей советского руководства.

⁶³ Вероятно, в данном случае речь идет о выдаче польским посольством польских паспортов бывшим гражданам Польши, что Москва квалифицировала как нарушение советских законов 1939 г. Реакцией на действия польской стороны была упоминавшаяся нота НКВД СССР от 16 января 1943 г. Советский лидер, говоря "мы их стесняли", имел в виду не только такие следствия арестов и массовых депортаций 1939–1940 гг. как ограничения для поляков возможностей передвижения по стране, но и запрет в приеме их на работу на заводы и фабрики, подавляющая часть которых обслуживала интересы фронта. О снятии такого запрета на рубеже 1942–1943 гг. просили Москву польские коммунисты, находившиеся в СССР. – АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 25, л. 3, 5, 14.

Кот Станислав (1885–1975) – профессор истории, деятель крестьянской партии Стронництво Людове (СЛ); с декабря 1939 г. министр внутренних дел в правительстве В. Сикорского; с лета 1941 по осень 1942 г. посол Польши в СССР, затем министр информации.

Ланге говорит, что война перекроет эти настроения.

После возвращения в Америку, он, Ланге, будет думать, как организовать помощь польскому населению после освобождения польской территории Красной Армией. Дело осложняется тем, что в ЮННРА⁶⁴ представлено польское правительство.

Тов. Сталин говорит, что надо иметь временное правительство или комитет, который был бы признан англичанами и американцами.

Ланге отвечает, что это было бы возможно, если бы в лондонском правительстве произошел раскол. Он, Ланге, думает, что английское правительство не сумело или не хотело добиться этого раскола.

Тов. Молотов замечает, что англичане сплывают поляков в Лондоне.

Тов. Сталин говорит, что некоторые английские круги делают все для того, чтобы конфликт между русскими и поляками не был изжит. Они хотят, чтобы между поляками и русскими была драка. Они хотят ослабления Польши и России.

Ланге говорит, что не таково настроение американского правительства.

Тов. Сталин говорит, что американское правительство так не настроено.

Ланге спрашивает, не думает ли тов. Сталин, что было бы возможно обратиться к Миколайчику⁶⁵, как к частному лицу.

Тов. Сталин отвечает, что он не против этого, но надо знать, что собою представляет Миколайчик. Видимо, он слабовольный человек. Главную роль играет Соснковский⁶⁶. У него имеется разведка и свои агенты в польских посольствах и в Польше. Соснковский человек с характером. Но он не туда смотрит. Миколайчик находится у него в руках. Члены польского правительства в Лондоне скомпрометированы в Польше⁶⁷.

Ланге говорит, что, тем не менее, они верят, что у них имеется влияние в Польше.

Тов. Сталин заявляет, что у нас Советская власть существует 26 лет, и, тем не менее, он, тов. Сталин, не может сказать, что 90% населения Советского Союза за Советскую власть. Откуда лондонские поляки знают, что за ними все население Польши? Это очень трудно узнать, принимая во внимание, что кругом в Польше сидят немецкие вампиры.

Сикорский был сильнее Миколайчика, опытнее и авторитетнее. С ним было лучше иметь дело.

Ланге говорит, что сейчас плохо то, что среди поляков нет авторитетных людей.

Тов. Сталин говорит, что они еще появятся. Соснковский и другие, – это люди прошлого. Они не верят в союз России и Польши. Они думают, что современная Россия так же, как царская Россия, стремится съесть Польшу, например, путем ее советизации. Они не понимают происшедших перемен. Все, что они думают насчет советизации – это глупости. Ленин готовил Советы 14 лет и не решался их осуществить даже в период существования временного правительства в России. Он все время искал тогда компромисса. Что касается колхозов, то мы начали коллективизацию лишь в 1930 году. До этого

⁶⁴ ЮННРА (Администрация помощи и восстановления) – международная организация при ООН; создана по инициативе США в 1943 г. для оказания помощи странам, пострадавшим в годы войны; ликвидирована в 1947 г.

⁶⁵ Миколайчик Станислав (1901–1966) – в межвоенное время депутат Сейма, один из лидеров СЛ; в 1940–1943 гг. вице-премьер, после гибели В. Сикорского в июле 1943 г. – премьер-министр польского эмигрантского правительства; весной 1945 г. признал советско-польскую границу 1941 г., возвратился в Польшу и вошел во Временное правительство национального единства в качестве вице-премьера и одного из министров.

⁶⁶ Соснковский Казимеж (1881–1969) – генерал; с осени 1939 г. – в эмиграции, в аппарате военного министерства ведал подпольными военными организациями на территории Польши, входил в состав Государственного совета; в 1941 г. вышел из состава правительства, расценив соглашение с СССР как недопустимую политическую уступку Сикорского; в 1943–1944 гг. – главнокомандующий Польскими вооруженными силами на Западе.

⁶⁷ Это утверждение Сталина не соответствовало действительности. Большинство поляков считало правительство в эмиграции единственным законным представителем Польши.

же времени мы все время проверяли, как к этому отнесется крестьянство. Основой для колхозов послужили супряги⁶⁸, которые раньше существовали у славян. Колхозы должны вырасти сами.

Ланге, соглашаясь с этим, заявляет, что в Польше имеются возможности для создания кооперативов наподобие существующих в Дании.

Тов. Сталин замечает, что хорошо было бы передать в Польше государству некоторые отрасли промышленности. Если государство не имеет промышленности, то оно, как показала нынешняя война, становится объектом игры внутренних капиталистических сил.

Ланге говорит, что национализация крупной промышленности в Польше необходима также с точки зрения международных отношений.

Тов. Сталин говорит, что это правильно. Но его, тов. Сталина, интересует внутренняя проблема. Если государство хочет быть сильным, то оно должно иметь в своем распоряжении некоторый земельный фонд для того, чтобы иметь возможность продавать землю крестьянам. В руках государства должны находиться также некоторые крупные предприятия. Если в Польше государству будет передана часть предприятий, например, тех лиц, которые пошли в услужение к немцам, и если государство будет располагать некоторым земельным фондом, то оно может быть сильным. Хорошо было бы также, если бы государство имело в своей собственности часть железных дорог.

Ланге говорит, что в Польше никогда не было частных железных дорог, за исключением небольших веток.

Тов. Сталин говорит, что поляки в СССР хотят создать Национальный Комитет. Один раз они уже вынесли решение по этому поводу. Но мы это решение задержали, считаясь с телеграммой Ланге⁶⁹. Теперь среди польских воинов идут разговоры о том, что в Лондоне имеется правительство, а у них, поляков, в СССР нет правительства. Нужно постараться создать единое правительство из поляков, проживающих в Англии, Америке и России. Это способствовало бы собиранию сил поляков. Такое правительство было бы признано Англией и Америкой. Мы и поляки заинтересованы в том, чтобы существовала сильная Польша. Однако нам трудно нести на себе всю тяжесть сопротивления агрессора. Это бремя можно нести один раз, а второй раз можно и не выдерживать. Поэтому мы заинтересованы в создании сильной Польши с армией. Это не игра. Это – наша установка. Как-то Керр⁷⁰ говорил о том, что, может быть, Миколайчик встанет во главе нового польского правительства. Но это не выйдет. Американцы и мы не захотим этого.

Ланге говорит, что люди в лондонском правительстве ничего из себя не представляют. Это люди прошлого, это люди – слабые. Они имеют исторические связи с довоенной Польшей, и это производит впечатление в Англии и Америке. Если бы из этих людей пригласить некоторых в новое польское правительство, то это облегчило бы решение всего польского вопроса. Он, Ланге, не знает, возможно ли это сделать. Пожалуй, это можно было бы сделать, если бы английское правительство сказало об этом Мико-

⁶⁸ Супряга – старинный способ объединения крестьян для выполнения конкретной работы, считается одной из зачаточной форм производственной кооперации в сельском хозяйстве.

⁶⁹ Речь идет о письме Ланге, направленном 8 января 1944 г. в советское консульство в Чикаго в ответ на переданную ему по советским дипломатическим каналам телеграмму В.Л. Василевской и других деятелей СПП. Ланге предлагали приехать в СССР и войти в состав Польского национального комитета (ПНК), который планировалось создать в Москве. Профессор поддержал идею создания и программные положения ПНК, но участвовать в его составе отказался. Он ссылаясь на то, что, будучи американским гражданином, должен получить согласие Ф. Рузвельта на такие действия, которые могут выглядеть "почти неофициальным признанием комитета" со стороны США, тогда как США признавали законным польское правительство в Лондоне (АП РФ, ф. 3, оп. 66, д. 26, л. 38). Скорее всего, возможные затруднения в отношениях с союзниками и имел в виду Сталин.

⁷⁰ Керр Арчибальд Джон Кларк – Чрезвычайный и полномочный посол Великобритании в СССР.

лайчику. Но у него, Ланге, имеются сомнения, согласится ли английское правительство это сделать.

Тов. Молотов замечает, что пока нет никаких признаков этого.

Тов. Сталин говорит, что в том случае, если бы советское, английское и американское правительства начали приказывать полякам, то создалось бы не совсем приятное положение. Самым лучшим было бы создание в районе Польши некоторого временного правительства вроде Национального Комитета, которое заставило бы Англию и Америку признать себя.

Ланге говорит, что именно такова и его идея. Он думает также, что Национальный Комитет должен заявить в своем первом манифесте, что он представляет собой временный орган власти и что для того, чтобы быть вполне представительным органом он приглашает других поляков принять в нем участие.

Тов. Сталин говорит, что Национальный Комитет мог бы заявить, что в данное время нет условий для создания польского правительства. Когда же в него войдут люди, работающие в Польше, он мог бы пригласить других поляков, находящихся вне пределов Польши.

Что же касается премьера польского правительства, то указывают на Миколайчика. Но он не может быть премьером. Он представляет польское крестьянство, имеет с ним связи. Такой человек был бы, конечно, полезен в правительстве. Кроме того, указывают на Станчика⁷¹. Еще кого может назвать Ланге?

Ланге отвечает, что говорили о Баначике. Однако Баначик – это другое издание Миколайчика. Он, Ланге не знает, какое впечатление производит Ромер.

Тов. Сталин отвечает, что на него Ромер произвел не плохое впечатление.

Ланге говорит, что еще имеется генерал Желиговский⁷².

Тов. Сталин говорит, что сейчас генерал Желиговский ведет борьбу в Национальном Совете.

Ланге говорит, что у Желиговского есть имя. Никто не скажет, что он из Москвы. Конечно, он уже старый человек.

Тов. Сталин отвечает, что демократической Польше против немцев пригодится и старый человек.

Ланге говорит, что он надеется, что в польское правительство войдет кто-либо из поляков, находящихся сейчас в Польше. Например, там находится сейчас Витос. Хотя неизвестно, какую позицию он займет.

Тов. Сталин говорит, что Витос, как будто бы, арестован немцами⁷³.

Ланге говорит, что немцы могут его убить.

Тов. Сталин говорит, что нужно было бы освободить Витоса. Это могли бы сделать партизаны.

Тов. Сталин заявляет, что на днях говорилось о том, что у Соснковского имеются две партизанских дивизии в Польше, главари которых пытались установить контакт с советскими войсками. Действительно, на одном из участков нашего фронта, наши войска встретили партизанскую дивизию Соснковского. Бойцы этой дивизии ходят в немецких мундирах, и, ввиду этого, наши войска, приняв их за немцев, обстреляли их. Поляки дали знать, что они не немцы. Произошла встреча главарей дивизий Соснковского с коман-

⁷¹ *Станчик Ян* (1886–1953) – в межвоенное время депутат Сейма, один из лидеров Польской социалистической партии; в 1939–1943 гг. министр труда и социального обеспечения в польском правительстве; летом 1941 г. поддержал заключение соглашения с СССР; в 1945 г. возвратился в Польшу как министр Временного правительства национального единства.

⁷² *Желиговский Люциан* (1865–1947) – генерал Войска Польского, в годы войны в эмиграции, член Государственного совета Польской Республики, сторонник союза славянских стран в борьбе с Германией.

⁷³ *Витос Винценцы* (1874–1945) – один из организаторов и лидеров крестьянского политического движения в Польше; в 20-е годы трижды премьер-министр, с 1926 г. в оппозиции режиму Пилсудского; в 1933–1938 гг. в эмиграции в Чехословакии; весной 1939 г. возвратился в Польшу; арестован гитлеровцами, освобожден в 1941 г.; оставался формальным лидером СЛ, политической деятельностью не занимался.

дованием Красной Армии. Поляки заявили, что они подчиняются Соснковскому и спрашивали, как им быть. Наше командование ответило, что на войне не может быть двух хозяев, и предложило полякам участвовать в операциях вместе с Красной Армией, обещав предоставить им вооружение. После разговора эти партизаны Соснковского, пришедшие из-за Буга, туда и ушли. Видимо, они не согласились с условиями советского командования. В последнее время эти дивизии Соснковского стали распадаться, и люди стали десятками переходить на сторону Красной Армии⁷⁴. Часть этих перебежчиков сейчас находится в армии Берлинга. Вот какая подпольная организация имеется у Соснковского. Было две дивизии, а теперь не стало ни одной⁷⁵. Что касается отношения польского населения к Красной Армии, то оно встречает Красную Армию и украинских партизан хорошо. Поляки спрашивают, когда придут русские и освободят их от ига немцев. Миколайчик ошибается, когда утверждает, что 90% польского населения за польское правительство в Лондоне.

Ланге говорит, что Миколайчика вводят в заблуждение.

Тов. Сталин говорит, что затем Национальный Комитет нам нужен с чисто военной точки зрения. Мы не будем поступать в Польше так, как действовал АМГОТ в Италии⁷⁶. Должен существовать какой-то польский орган власти. Союз Польских Патриотов – культурно-просветительная и военная организация, – которая не может осуществлять административные функции в Польше. Польскую армию мы тоже не хотим обременять обязанностями гражданского управления. Необходим орган власти, который поговорил бы с польским крестьянством, интеллигенцией, рабочими.

Ланге говорит, что этот орган власти должен сразу же провести аграрную реформу. Что касается национализации крупной промышленности, то осуществление этого мероприятия может быть отложено до создания конституционного правительства.

⁷⁴ Сталин упоминает имевшее место соприкосновение с войсками 69-й армии 2-го Белорусского фронта 27-й дивизии подпольной Армии Крайовой. Это была партизанская группировка, воевавшая против гитлеровцев и отрядов украинских националистов на Волыни. Командование АК допускало, чтобы дивизия, "как бы опережая советские войска" при освобождении г. Ковеля и г. Владимира-Волынского, временно входила в тактическое взаимодействие с Красной Армией. 20 марта 1944 г. состоялась встреча польского офицера с командованием фронта, о чем 23 марта 1944 г. была проинформирована Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии. Директива из Москвы поступила 24 марта. В Ставке сочли совместные действия партизан АК с Красной Армией "желательными при условии полного подчинения во всех отношениях только командованию Красной Армии", поскольку "двоевластия в военном деле быть не должно". При положительном ответе с польской стороны Москва предписывала командованию фронта обеспечить польскую дивизию "всем необходимым для боя" (Русский архив. 14 3(2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. М., 2000, с. 403). Решение ставки 26 марта 1944 г. было доведено до сведения командира дивизии Я.В. Киверского и затем до командования АК. Как предполагает английский историк польского происхождения Я. Чехановский, ответ польской стороны советскому командованию, видимо, не поступил (*Ciechanowski J.M. Powstanie Warszawskie. Zarys podoża politycznego i dyplomatycznego. Putusk, 2004, s. 242–251*). Партизанские отряды АК, не подчиненные в оперативном плане командованию Красной Армии, подпадали под действие директивы Ставки командующим 2-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами от 9 марта 1944 г. Они, как и любые другие вооруженные группы в советских тылах, подлежали разоружению или подавлению. 27-я дивизия АК в апреле–мае 1944 г., периодически взаимодействуя с советскими войсками или партизанскими отрядами, продолжала борьбу с гитлеровцами и несла большие потери. В конце мая 1944 г. часть дивизии, выполняя приказ командования АК, ушла за р. Буг, другая часть перешла линию фронта в восточном направлении и была включена в состав 1-й Польской армии.

⁷⁵ В 1943 г. на Волыни существовало 9 партизанских отрядов АК общей численностью 1400 человек; на рубеже 1943–1944 г. АК располагала 54 партизанскими отрядами, общая численность которых составляла около 7 тыс. бойцов, включая мобильные и диверсионные группы. В научной литературе отсутствуют точные сведения о количестве солдат и офицеров, принявших присягу АК. Приводятся данные от 150 до 380 тыс. человек: *Duraczyński E. Polska 1939–1945, s. 345, 348.*

⁷⁶ АМГОТ – англо-американский административный орган (союзное командование), создан летом 1943 г. для управления освобожденными от гитлеровцев итальянскими территориями, взаимодействовал с итальянской администрацией, обеспечивал разоружение итальянских партизан.

Тов. Сталин говорит, что польскому правительству необходимо создать для себя материальную основу. Если бы государство имело в своих руках некоторые торговые организации, то это было бы весьма полезно. Например, у нас государство, осуществляя функции торговли, может регулировать цены, и, поднимая их, например, на копейку, мы можем получить большие средства, чем любое другое государство получило бы от налогов. Открытые в настоящее время коммерческие продовольственные магазины повлияли на цены на колхозных рынках и заставили колхозников выбрасывать на рынок товары лучшего качества. Сейчас у нас еще мало товаров. Но с течением времени мы будем снижать цены. Есть другой пример того, как государство у нас влияет на рыночные цены. Когда в 1940 году Красная Армия вступила в Литву, цены на хлеб в Литве были очень высокие. Мы ввезли хлеб в Литву, и цены упали на 30%. Хорошо было бы, если бы в Польше государство владело бы некоторыми промышленными предприятиями и торговыми предприятиями.

Тов. Сталин спрашивает, не будет ли Ланге в Лондоне.

Ланге отвечает, что он в Лондоне не будет. Но он хотел бы спросить, какую цель могла бы иметь его поездка в Лондон.

Тов. Сталин говорит, что Ланге – частное лицо, и он мог бы поговорить с Миколойчиком или с другими поляками в Лондоне и рассказать им то, что он видел в Советском Союзе. Это было бы полезно сделать, если у Ланге имеются соответствующие возможности.

Ланге отвечает, что, видимо, потребуется внести некоторые изменения в его паспорт.

Тов. Сталин спрашивает, не будет ли искусственной комбинацией, если Ланге поедет отсюда в США, а затем в Лондон.

Ланге отвечает, что в США легче получить визу для поездки в Лондон. Во всяком случае, он спросит об этом американское правительство.

Тов. Сталин говорит, что в Лондоне Ланге мог бы сказать полякам, что мы вовсе не против того, чтобы начать переговоры с лондонским правительством.

Ланге спрашивает, должен ли он будет сказать, что он беседовал с И.В. Сталиным.

Тов. Сталин отвечает, что Ланге может заявить полякам в Лондоне, что он, тов. Сталин, сказал ему, что нужно создавать новое польское правительство с включением в него людей из польской эмиграции, находящихся в Америке, России и Англии. До сих пор случалось так, что, когда советское правительство желало узнать что-либо от польского правительства, в качестве посредника появлялся либо Черчилль, либо Идеи. Хорошо было бы переговорить непосредственно с кем-либо из поляков. Он, тов. Сталин, вовсе не считает, что Сосновский не может измениться. Он, тов. Сталин, с известной оговоркой считает Сосновского и других поляков в Лондоне польскими патриотами. Ланге мог бы сказать полякам в Лондоне, что у нас нет предвзятого мнения, что с ними нельзя разговаривать. Но мы хотим разговаривать с живыми поляками, а не с Черчиллем или с Иденом. Ланге может объяснить им, что мы с ними воевать не хотим. Мы на известных условиях готовы с ними договориться с тем, чтобы они не были против нас вместе с Гитлером⁷⁷.

Ланге замечает, что у поляков в Лондоне должна быть такая же политика, как у Бенеша.

⁷⁷ Сталин намекает на ситуацию, когда 16 апреля 1943 г. два министра польского правительства почти одновременно с правительством Германии обратились в Международный Красный Крест с просьбой расследовать факт расстрела польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. Реакцию польской стороны на информацию немецкого радио Сталин назвал тогда "сговором" правительства Сикорского с Германией, что не соответствовало действительному положению дел. Польша была членом антигитлеровской коалиции. (См. также сноску № 54)

Тов. Сталин замечает, что Бенеш гибче, чем поляки в Лондоне⁷⁸.

Тов. Молотов заявляет, что, по мнению Бенеша, польские аристократы в Лондоне смотрят все время назад. Однако среди них могут найтись люди, которые перейдут на сторону русских. Немцы их кое-чему научили.

Тов. Сталин спрашивает, где Козловский, добавляя, что Козловский обманул как Сикорского, так и советское правительство⁷⁹.

Ланге отвечает, что он лишь знает, что Козловский находится в Германии.

Он, Ланге, хотел бы спросить, не считает ли И.В. Сталин более целесообразным, чтобы кто-либо из Союза Польских Патриотов поехал, скажем, в Швецию для переговоров с поляками.

Тов. Сталин отвечает, что Ланге находится в лучшем положении для того, чтобы разговаривать с поляками, так как он стоит вне драки.

Ланге отвечает, что он спросит американское правительство. Он не видит, чтобы американское правительство чинило какие-либо препятствия к его поездке в Лондон.

Тов. Сталин говорит, что Ланге может еще застать в Америке Станчика.

Он, тов. Сталин, также думает, что американское правительство не помешает поездке Ланге в Лондон. Английское правительство вряд ли помешает этой поездке.

Ланге говорит, что он мог бы сейчас спросить об этом Керра.

Тов. Сталин заявляет, что он не советует этого делать сейчас. Он думает, что Ланге было бы хорошо поехать сначала в Соединенные Штаты и побеседовать там со Станчиком, который, может быть, пригласит его в Лондон. По приезде в Лондон, Ланге может устроить совещание и рассказать о том, что в России не считают лондонских поляков врагами Польши⁸⁰.

Ланге говорит, что у лондонских поляков неправильные концепции. Они не понимают нынешнего соотношения сил.

Тов. Сталин говорит, что Польша уже три раза служила коридором, через который проходил агрессор, нападавший на Россию. Должно быть, полякам надоело быть проходным двором. Они должны понять, что в союзе с Россией, Англией и Америкой, они смогут себя защитить. Желиговский прав, когда он говорит, что немцы стараются посорить поляков с русскими.

⁷⁸ Сталин имеет в виду позицию президента Чехословакии Э. Бенеша, который ориентировался на сотрудничество с СССР во время войны, видел в этом залог восстановления Чехословакии и обеспечения ее внешнеполитической безопасности. В декабре 1943 г. в Москве был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, который представлял собой оптимальный для СССР вариант урегулирования двусторонних отношений. Договор был заключен с легитимной властью Чехословакии, признававшей советские интересы и "огромное влияние" в послевоенной Европе и, ради безопасности собственной страны, готовой на территориальные уступки в пользу СССР. Москву устраивала и та формула власти в послевоенной Чехословакии, на которую ориентировался Бенеш: возвратившись в Прагу вместе с Красной Армией, создать коалиционное правительство с участием представителей компартии: АП РФ, ф. 3, оп. 63, д. 363, л. 17, 19, 60.

⁷⁹ *Козловский Леон* (1892–1944) – профессор, археолог, в межвоенное время депутат Сейма, сенатор Республики Польша, министр, премьер-министр польского правительства; сторонник сотрудничества Польши с Германией против СССР; в сентябре 1939 г. арестован опергруппой Управления НКВД по Львовской области, в июле 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни; в сентябре этого года освобожден, вступил в ряды Польской армии, позднее бежал к немцам.

⁸⁰ Ланге выполнил просьбу Сталина, но не в Англии, а в США. В научной литературе имеются сведения о том, что он встречался и беседовал с Миколайчиком во время визита последнего в США в июне 1944 г. Встреча была организована при содействии госдепартамента США. Ланге рассказал собеседнику о приеме у Сталина, изложил представления советского лидера о возможных вариантах создания нового польского правительства и передал предложения о прямых переговорах представителей СССР с членами польского правительства. По возвращении в Лондон Миколайчик трижды (20, 22 и 23 июня) встречался с советским послом В.З. Лебедевым. Согласовать позиции не удалось, и тем самым необходимость поездки Ланге в Лондон, о чем говорил Сталин, отпала. – *Buhler P. Polska droga do wolności. 1939–1995. Warszawa, 1999, s. 65; Duraczyński E. Rzad Polski na uchodźstwie, s. 334.*

Ланге говорит, что у него имеется один вопрос. Он хотел бы знать, не считает ли И.В. Сталин, что претензии на включение Силезии и германской территории до Одера в состав Польши, с которыми выступают члены Союза Польских Патриотов, являются слишком большими, и можно ли реализовать эти претензии, поскольку это связано с решением проблемы Германии, с ее включением в европейскую систему.

Тов. Сталин говорит, что этот вопрос обсуждался в Тегеране. Формальных решений не было принято. Он, тов. Сталин, указывал, что в Польшу можно было бы включить Штеттин и Бреслау⁸¹. Черчилль сказал, что получится хорошее польское государство, и спросил, поможет ли Советский Союз созданию такой Польши. Он, тов. Сталин, ответил, что Советский Союз поможет Польшу получить эти территории. Речь об этом шла, как о части общего вопроса ослабления Германии.

Ланге спрашивает, не осложнит ли урезывание германской территории внутренней проблемы Германии. В настоящее время общественное мнение в Америке проявляет беспокойство по поводу того, не приведет ли урезывание Германии к развитию немецкого национализма.

Тов. Сталин отвечает, что Рузвельт представил план раздробления Германии на пять государств, предлагая одновременно занять выходы в море – Гамбург и другие порты, и уничтожить Германию как единое государство. Черчилль колебался. Он, тов. Сталин, присоединился к мнению Рузвельта⁸².

Ланге говорит, что раздробление Германии возможно в том случае, если между США, Англией и Россией не будет конфликта.

Тов. Сталин говорит, что в отношении Германии нужно было бы пойти на половинчатый мир в виде Версаля⁸³. Версаль получился половинчатым миром, потому что немцам стали давать льготы. Такой мир не только содействовал бы зарождению мысли о реванше, но и давал бы возможности для этого реванша. Можно было бы пойти еще на один мир, оставив у Германии ее территории и передав Судетскую область чехословакам, а Эльзас-Лотарингию – французам. Но это очень опасная комбинация. Третья возможность – это обессилить Германию – отнять у нее промышленность, разоружить ее армию и обессилить таким образом Германию лет на 50. Он, тов. Сталин, считает, что нужно принять именно эту комбинацию.

В 1871 году Германия напала на Францию. Тогда другие государства Европы были нейтральными. Через 43 года, в 1914 году, Германия снова совершила нападение. После прошлой мировой войны Германия восстановила свои силы и начала войну в 1939 году. Германия обладает большой способностью регенерации. Поэтому он, тов. Сталин, думает, что если принять половинчатое решение в отношении Германии, то мы через 15 лет будем иметь новую войну.

Ланге говорит, что в случае раздробления Германии будет иметь место развитие германского национализма, но германские националисты будут лишены возможности предпринять какие-либо действия. Последнее, однако, возможно только при условии согласия между Англией, Америкой и Россией.

⁸¹ Немецкие названия современных польских городов Щецин и Вроцлав.

⁸² Позиция Сталина по этому вопросу на конференции в Тегеране представляется более осторожной. На заседании 1 декабря 1943 г., где Рузвельт излагал свой план, Сталин говорил следующее: "Будь то пять или шесть государств и два района, на которые Рузвельт предлагает расчленить Германию, этот план Рузвельта может быть рассмотрен". И далее, отвечая на реплику Черчилля: "если раздробить Германию на несколько частей и не создать комбинации из этих частей, тогда, как это говорил маршал Сталин, наступит время, когда немцы объединятся", Сталин заметил: "Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии". – Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сб. док. М., 1978, с. 166–167.

⁸³ Имеется в виду мирный договор по итогам Первой мировой войны, подписанный Германией, с одной стороны, и странами Антанты – с другой, 28 июня 1919 г. в Версале.

Тов. Сталин отвечает, что мы соблюдаем свои договоры. Наши контрагенты придерживаются другого мнения на этот счет. Мы, вероятно, не доросли до этого. Однако он, тов. Сталин, думает, что вряд ли будет Англия нарушать свои договоры. Америка заинтересована в том, чтобы разрушить промышленность Германии и Японии. Германия и Япония имеют дешевую рабочую силу. С Японией трудно конкурировать. Японцы быстро перенимают технические достижения и имеют дешевую рабочую силу. Единственный способ устранить Германию и Японию как конкурентов – это уничтожить их промышленность. Это и нам выгодно. Только когда мы пришьем гитлеровское правительство и государство, мы, т.е. США, Англия и Россия, будем находиться в одном лагере. Он, тов. Сталин, считает, что это в наших общих интересах. Вот, таков его большевистский взгляд на этот вопрос.

Ланге говорит, что при этом положение Польши представляется вполне ясным. Он, Ланге, хотел бы спросить мнение И.В. Сталина о том, что делать с немцами в Польше. Польские солдаты говорят, что немцев нужно переселить из Польши⁸⁴.

Тов. Сталин говорит, что часть немцев мы возьмем к себе на работу⁸⁵. Часть немцев можно отправить в Южную Америку. Пусть немцы потеснятся. Ведь они заставляют весь мир потесниться.

Ланге спрашивает, считает ли И.В. Сталин, что влияние марксизма полностью исчезло в Германии.

Тов. Сталин отвечает, что в Германии было 150–200 тыс. марксистских кадров, но эти люди были перебиты и массы, которые за ними шли, расплылись, так как они жили настроениями.

Ланге спрашивает, можно ли надеяться в Германии на существование социалистической или полусоциалистической системы.

Тов. Сталин замечает, что социализм в Германии не так скоро наступит.

Ланге спрашивает, считает ли И.В. Сталин возможным изменение линии Керзона⁸⁶.

Тов. Сталин говорит, что он считает возможным в пределах 3–4 километров в ту или другую сторону.

Ланге заявляет, что польские солдаты говорят, что чем дальше на запад будет отодвинута граница Польши, тем лучше. В этом мнении все единодушны. Когда речь заходит о восточных границах Польши, то солдаты дают разные ответы. Одни говорят, что прежде нужно победить Германию, другие говорят, что они доверяют СССР и надеются, что СССР не причинит вреда Польше. Другие заявляют, что нужно договориться с белорусами и украинцами. Но многие солдаты высказываются и за старые границы Польши. Некоторые соглашались с линией Керзона с условиями, что Вильно и Львов останутся в Польше. Один солдат сказал, что полякам должна принадлежать галицийская нефть. Но все это не говорилось серьезно. Вместе с тем, он должен сказать, что в то время, как к Вильно не проявлялось особого интереса, вопрос о Львове весьма подчеркивался⁸⁷.

Тов. Сталин отвечает, что украинцы стали страшными националистами. Они очень мнительны. Нам пришлось бы из-за Львова с украинцами воевать.

⁸⁴ Решение о перемещении немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии в пределы Германии было принято союзниками на конференции глав великих держав, состоявшейся в Потсдаме: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сб. док. М., 1980, с. 428–429, 476.

⁸⁵ Сталин в данном случае говорил, вероятно, об использовании труда немецких военнопленных в СССР после войны.

⁸⁶ "Линия Керзона" – общепринятое название восточной этнографической границы Польши, которая была установлена Верховным Советом Антанты в декабре 1919 г. В основном она совпадала с административной границей Царства Польского в пределах Российской империи накануне Первой мировой войны.

⁸⁷ Вильно (Вильнюс) и Львов являлись польскими национальными и культурными центрами на восточных землях межвоенной Польши. (См. также сноску № 48)

Ланге заявляет, что проф. [Богдан] Завадский, проживающий в США, считает, что нельзя разрешить вопроса о Львове, не обидев одновременно украинцев и поляков. Но он считает, что потеря Львова для поляков будет большей, чем для украинцев. С другой стороны, по его весьма приблизительным статистическим исследованиям получается, что к западу от линии Керзона остаются 600–700 тыс. украинцев. Наконец, он приводит третье соображение, состоящее в том, что исключение из состава Польши Львова может осложнить положение польского правительства внутри Польши. Завадский опасается, что это может послужить источником антисоветских интриг в Польше.

Тов. Сталин отвечает, что это очень сложная проблема и надо ее изучить. Дело в том, что 2 миллион украинцев очень хорошо дерутся в нашей армии.

Ланге говорит, что у поляков имеется неуверенность в отношении западных границ Польши.

Тов. Сталин отвечает, что никаких разногласий в Тегеране между Рузвельтом, Черчиллем и им, тов. Сталиным, о западных границах Польши не было.

Ланге отвечает, что в Америке об этом не знают.

Ланге спрашивает, думает ли И.В. Сталин, что правительство Бека сотрудничало с немцами для того, чтобы начать совместно с ними войну против России⁸⁸.

Тов. Сталин отвечает, что у нас нет материалов, свидетельствующих о том, что Бек сотрудничал с немцами в деле совместного нападения на Советский Союз. Но правительство Бека толкало немцев против Советского Союза. Поляки имели при этом планы расширить Польшу до Днепра⁸⁹. Видимо, они рассчитывали этого добиться в том случае, если у англичан и американцев будет драка с русскими. Сосновский и другие тоже так думают. Но это иллюзия. Они не понимают, что Англия и Америка не случайно находятся в союзе с Россией. Они не понимают, что этот союз вызван не конъюнктурой, а является длительным.

Ланге спрашивает, не считает ли И.В. Сталин, что Франция скоро займет положение великой державы.

Тов. Сталин отвечает, что это случится не скоро. Во Франции испорчены хозяйственные и военные кадры. Там мало патриотизма. Несколько лет тому назад французский романист Селье написал роман, в котором он воспевал героя, заявившего, что французам все равно, будет ли во главе французского правительства стоять немец или Даладь⁹⁰. По мнению героя романа, было бы лучше, если бы во главе правительства стоял немец. Автора нужно было бы сослать на Новую Каледонию. Однако этот роман широко раскупался во Франции. Если взять английскую интеллигенцию, то она патриотична, у французской, напротив, – мало патриотизма.

Петэн покорился немцам⁹¹. Если бы у Гитлера сейчас не было Франции, то дела его были бы совсем плохи. Из Франции он сейчас получает скот и рабочую силу, формирует там свои дивизии. Нужны десятилетия, чтобы Франция смогла возродиться как великая держава. Сейчас во Франции есть де Голль. Но он окружен перебежчиками из Ви-

⁸⁸ Бек Юзеф (1894–1944) – министр иностранных дел Польши в 1932–1939 гг., проводил политику балансирования Польши между Германией и западными державами; летом 1939 г. отклонил предложение Москвы о заключении пакта о взаимопомощи в случае нападения Германии на Польшу, осенью 1939 г. выехал в эмиграцию.

⁸⁹ О таких намерениях писала крайне правая польская пресса, издававшаяся в Лондоне. Польское правительство настаивало на восстановлении восточных границ Польши по состоянию на 1 сентября 1939 г.

⁹⁰ Даладь Эдуард (1884–1970) – премьер-министр и министр национальной обороны Франции в 1938–1940 гг., проводил политику "умиротворения" Германии, в сентябре 1938 г. подписал от имени Франции "мюнхенское соглашение" с Гитлером о расчленении Чехословакии; в 1940 г. арестован, в 1943 г. депортирован в Германию, в 1945 г. освобожден западными союзниками.

⁹¹ Петэн Анри Филипп (1856–1951) – маршал Франции; после капитуляции французской армии в 1940 г. возглавил коллаборационистское "правительство Виши", под управлением которого находилась не оккупированная гитлеровцами часть Франции; после освобождения страны был привлечен к суду за государственную измену и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

ши. Он, тов. Сталин, не знает, являются ли эти перебежчики надежными или нет. Сейчас де Голль устраивает суды над изменниками Франции, но он, тов. Сталин, не знает, поможет ли это де Голлю⁹².

Ланге отвечает, что в этих условиях останутся Англия, США и Россия в качестве ведущих держав мира.

Тов. Сталин отвечает, что пока это будет так. Он, тов. Сталин, будет благодарить судьбу, если Франция поднимется раньше, чем он рассчитывает. Однако, он думает, что для этого Франции потребуются десятка два лет. Нужно, чтобы во Франции выросло новое поколение. В прежней Франции считали, что французам нужен союз с их врагами в прошлой мировой войне – немцами. Во Франции рассчитывали, что французы от этого выиграют. На деле же теперь получилось так, что Петэн останется в дураках. Тем не менее, французы все еще мечтают о победе Германии. Таковы были настроения старых кадров во Франции. Эти старые кадры невозможно переучить. Нужно, чтобы выросло новое поколение.

Ланге отвечает, что в Советском Союзе это очень хорошо сделали.

Тов. Сталин отвечает, что мы развязали силы народа. Он, тов. Сталин, думает, что нигде люди науки не пользуются таким вниманием, как в Советском Союзе. Во Франции почетом пользуется тот, кто богат. Если находят умного человека, его нанимают. Общественного почета этому умному человеку нет. У нас, наоборот, мы создаем людям науки общественный почет. Такова наша политика. Каждое государство должно заботиться о людях науки. Трагедия Франции состоит в том, что там развратили людей альянсом с немцами. Немцы – мастера в разложении людей. Их политика состоит в том, чтобы пробудить у людей нечеловеческие чувства и вытравить все человеческое. Немцы не верят в человеческие чувства. Эти мастера порчи людей уже третий год господствуют во Франции.

Ланге замечает, что элементы возрождения Франции имеются в подпольном движении.

Тов. Сталин отвечает, что де Голль сыграет свою роль, но у него мало кадров и быстро что-либо сделать он не может. Немного ему мешают американцы и англичане.

Ланге говорит, что теперь он хотел бы задать т. Сталину один технический вопрос. Следует ли ему, Ланге, заявить иностранным корреспондентам, которых он будет принимать перед своим отъездом из Москвы, о том, что он, Ланге, виделся с И.В. Сталиным.

Тов. Сталин говорит, что тут нечего скрывать, все равно это станет известно. Ланге может сказать корреспондентам, что он, Ланге, беседовал с ним, И.В. Сталиным, о Польской армии, что советское правительство хочет увеличить польскую армию, что он, Ланге, говорил о поляках, находящихся в тылу в России, что советское правительство по возможности улучшит положение этих поляков, и что оно сделало бы это, если бы не война. Ланге может рассказать о своих впечатлениях насчет того, желает ли советское правительство добра или зла полякам. Он может также сказать о "советизации" Польши.

Ланге говорит, что он об этом скажет. Он начнет с того, что советскими лидерами были сделаны заявления о Польше. Он, Ланге, хотел убедиться, следует ли верить этим заявлениям или нет. Насчет советизации он скажет, что если бы советское правительство собиралось советизировать Польшу, то с имеющейся в настоящее время в Советском Союзе Польской армией этого сделать было бы невозможно. Нужно было бы иметь другую Польскую армию. По его, Ланге, мнению, это служит лучшим доказательством искренности намерений советского правительства, служит доказательством

⁹² *Голль Шарль де* (1890–1970) – генерал, летом 1940 г. эмигрировал в Англию; руководитель Французского национального комитета и Главнокомандующий вооруженными силами Свободной Франции; в 1943–1944 гг. председатель Французского комитета национального освобождения; в 1944–1946 гг. председатель Временного правительства Французской республики.

того, что создание польской армии в Советском Союзе не является каким-либо маневром. Он, Ланге, мог бы также сказать, что, по мнению советских руководителей, Польша должна играть важную роль в послевоенном мире.

Тов. Сталин замечает, что Польша должна играть важную роль не только после войны, но и во время войны.

Тов. Сталин спрашивает, испытывает ли Ланге в чем-либо нужду и когда он собирается выехать. Он, тов. Сталин, желал бы это знать, чтобы подготовить самолет.

Ланге отвечает, что он собирается вылететь приблизительно 20 мая и что ему не нужно специального самолета.

Тов. Молотов отвечает, что в это время, конечно, будут самолеты.

Тов. Сталин спрашивает, увидит ли Ланге Орлеманьского.

Ланге говорит, что были сведения о том, что Орлеманский должен пойти в монастырь.

Тов. Молотов говорит, что имеется сообщение о том, что это решение отменено.

Тов. Сталин говорит, что в Америке некоторые круги, видимо, были обижены тем, что Орлеманский, а не вышестоящие лица, положили начало лучшим отношениям. "Вот крокодилы!" – замечает тов. Сталин.

Тов. Сталин просит Ланге передать Орлеманскому привет.

Ланге благодарит за беседу.

Беседа продолжалась 2 часа 15 минут.

Записал

(В. Павлов)

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 354, л. 52–71. Подлинник.